

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

АМПУЛА

ГРИНА

Великий Кристалл

Владислав Крапивин

Ампула Грина

«Автор»

2006

Крапивин В. П.

Ампула Грина / В. П. Крапивин — «Автор», 2006 — (Великий Кристалл)

Благодаря восстановленному монархическому строю в новой Империи преодолены экономический и социальный кризисы. Правда, первый всенародно избранный император погиб при странных обстоятельствах, а нового до сих пор не избрали. Зато есть Регент и его чиновники, ведущие народ Империи к процветанию. Чтобы механизм общественной машины вертелся без скрипа, надо вовремя избавляться от попадающего внутрь мусора. И перед властью встает вопрос: а не являются ли мусором Империи те, кого нельзя назвать полноценными членами общества – неизлечимо больные и беспризорные дети, инвалиды, одинокие пенсионеры? Не удалить ли их из механизма во имя прогресса и блага социально полноценных граждан Империи?.. Но не все жители страны согласны с мнением властей. Об их борьбе против чудовищного проекта повествует новый роман классика русской фантастики, лауреата многих литературных премий Владислава Крапивина, произведения которого уже более пятидесяти лет не оставляют равнодушными читателей всех возрастов.

© Крапивин В. П., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Первая часть	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	34
Глава 7	38
Вторая часть	43
Глава 1	43
Глава 2	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Владислав Крапивин

Ампула Грина

Роман о песчинках Времени

*– Девушка, будьте добры, одно место до Инска.
– Такого населенного пункта нет!
– А... ну да, разумеется. Но все – таки один билет, пожалуйста.
– Сорок два рубля тридцать копеек... Три гривенника поищите, у
меня для сдачи нет мелочи...
Разговор у кассы пассажирских катеров.*

Первая часть

Плитка бабы Клавы

Глава 1

Катер мягко прижался к дощатому причалу. При этом он сплющил бутылку из-под пепси, которая подпрыгивала в замусоренной воде. Валерию даже послышался пластиковый хруст, и он пожалел бутылку, будто раздавленную рыбу. Впрочем, тут же он забыл о ней: у скамьи оказался матрос Вова – клочковато-рыжий, в клоунском беретике и с деловитым лицом (похоже, что ровесник Валерия)

– Тебе ведь надо было в Инск? Ну, вот...

– Это – Инск? – сказал Валерий, глядя на торчащую сквозь пристанской настил осоку.

– Он самый. А что?... Или тебе все-таки в Ново-Заторск? Тогда лучше на другую пристань, это через десять минут. Доплачивать не надо...

– Н-нет... Видимо, мне все-таки сюда... – Валерий выдернул из-под скамьи курсантский чемоданчик, шагнул на две сколоченные поперечинками доски, которые Вова выволок с борта на пристань.

Больше никто здесь не сходил (да и вообще пассажиров почти не было). Вова тут же уволок доски на палубу. Валерий по-американски – ладонь козырьком к правой брови – отдал матросу честь. Тот охотно откликнулся – приложил два пальца к беретику. Катер отвалил. Бутылка снова запрыгала на взбаламученной воде – она округлялась, пытаясь обрести прежнюю форму (видимо, на что-то еще надеялась). «Молодец, – сказал ей Валерий. – Люди должны брать с тебя пример».

После этого он повернулся к городу.

Города не было видно. Он прятался за кромкой высоченных откосов. Среди укрытых зеленью уступов, провалов, обрывов и округлых мысов зигзагами подымалась деревянная лестница.

До лестницы было с полсотни шагов. Ее нижнюю площадку отделяла от воды береговая полоса, покрытая то песком и гравием, то островками лебеды и мелкой ромашки. На этом пространстве тянулись в несколько рядов рыжие от ржавчины рельсы. Среди шпал росли лопухи, зацветающий иван-чай и даже тоненькие клены.

За рельсами стояло обшитое досками коричневое здание. Длинное и приземистое. Кленовая поросль и богатырские репейники укрывали его до середины окон. Здание украшали башенки и флюгера. А на торцовой стене, подтверждая, что Валерий прибыл к месту назначе-

ния, белела облупленная эмалевая вывеска со старомодными буквами: ИНСКЪ. Впрочем, на треугольном дощатом фронтоне, выше крыльца, было написано более современно: ИНСК-II.

«Вот старина-то. Самое место для ссылки», – сказал себе Валерий. Впрочем, без досады. Он любил старину. Так же, как любил и всякие иные, непонятные другим вещи, за что еще в школе получил прозвище Перекос. Имелся в виду, конечно, перекос в мозгах, поскольку на сутулого «ботаника» в кривых очках Валерка вовсе не походил. Прозвище было не насмешливое, даже уважительное.

Заходить внутрь вокзала не имело смысла: едва ли там был буфет. Валерий стал подниматься по ступеням. Они, вопреки ожиданию, оказались прочными. Кое-где желтели новые доски – следы недавнего ремонта.

Было около десяти утра. Солнце успело согреть воду и берег. Пахло речным песком, теплым деревом, лопухами и бурьяном. Валерий расстегнул курточку. Она была полувоенная, но без всяких шевронов.

Никто не попадался навстречу, никто не догонял Валерия. И голосов не было слышно, только в отдалении дерзко проблеяла коза. Но когда Валерий миновал половину высоты, ему звонко сказали в спину:

– Дядя, подождите!

Откуда они взялись? На несколько ступеней ниже стояли двое босых и удивительно загорелых мальчишек. Лет, наверно, девяти. Они были похожи на блестящих коричневых лягушат (и как сумели сделаться такими кофейными в начале июня?). Правда, сходство с лягушатами нарушали взъерошенные, очень светлые волосы. Были пацанята совершенно одинаковые – видать, близнецы, – и отличались только трусиками: на одном пестро-желтые, на другом гладко-зеленые.

– Ой... то есть не дядя, – сказал тот, что в зеленых, когда Валерий оглянулся. Второй смущенно шмыгнул ноздрей.

– И чего же вы хотите от «неяди»? – стараясь быть солидным, спросил Валерий.

– Помогите нам...

– Пожалуйста...

– Дотащить...

– Одну штуку...

– Недалеко... – зачастили они.

– Конкретнее. Где «штука», которую мне выпало тащить?

– Вон там! Пойдемте! Это здесь!..

«Там-здесь» оказалось в пяти шагах от лестницы. Следом за близнецами Валерий проник на укрытый репейниками уступ. В зарослях угадывалась тропинка. На ней, наклонно завалившись в крепкие стебли, торчало метровое рогатое колесо. Валерий сразу угадал в нем старинный штурвал от речного парохода. Такой он видел в давнем фильме про Гека Финна. Железное кольцо, кованые узорчатые спицы, деревянные колпаки-рукояти, надетые на концы этих спиц.

– Рехнуться можно! Где вы откопали этот экспонат?

– На свалке за дебаркадером, внизу, – почесывая плечи, разъяснил «зеленые трусики».

– И оттуда прёте на себе эту тяжесть?

– Ага!

– Только уже пузы надорвали...

– Пока по тропинке до лестницы доперли...

– А если мы втроем...

– По ступенькам...

– Вы сзади, а мы спереди...

– Это не до самого верху, а ближе, – опять заперебивали они друг дружку.

– Подержите чемодан... «сзади-спереди», – велел Валерий. И взялся за колесо.

Ого! И как «лягушата» волокли такой груз? Ладно, делать нечего... Он надел обод штурвала на плечо. Шагнул к лестнице. Мальчишки с чемоданчиком – следом. «Во, геракл», – тихонько сказал у него за спиной один. «Ага... а не похож...» – отозвался другой. «Гераклы не всегда похожи на гераклов», – глубокомысленно заключил дискуссии первый.

Проявить себя «гераклом» перед юными аборигенами было приятно. А тащить эту ржавую двухпудовую бандуру – наоборот. К счастью, и правда путь оказался не длинный. Ступеней через двадцать пацанята скомандовали «теперь налево», и все оказались опять на заросшем уступе. Здесь виднелось посреди репейных стеблей полукруглое углубление. То ли природная, то ли нарочно вырытая пещерка. Подчиняясь команде, Валерий втащил туда колесо. Снял его с онемевшего плеча, охнул. Разогнулся (еле хватило высоты).

– Исполнен труд... Надеюсь, это все? Или надо тащить еще и сам пароход?

– Не-е...

– Парохода мы не нашли!

«Слава Богу!»

– Только помогите еще надеть этой дыркой на эту ось!.. Давайте вместе!

– Лучше отойдите в сторону, – велел Валерий.

Посреди пещерки была вкопана невысокая балка, из нее торчал горизонтальный штырь. Дыркой (то есть отверстием в ступице) Валерий, поднатужившись, насадил на штырь штурвал. Крутнул.

– Это что у вас будет? Рулевая рубка?

– Типа того, – сдержанно отозвался один.

– Ага... – сказал второй.

Валерий снова крутнул штурвал. «Впору самому поиграть в пиратов и Магеллана...» И глянул вдаль. За рекой, на низком берегу плоско лежали среди больших тополей деревянные улицы. За ними отбрасывали солнечные блики стеклянные крыши завода. Левее цехов подымались многоэтажные утесы нового района.словно туда перенесли из столицы несколько высотных кварталов. На их фоне две церковки – белая и красно-кирпичная – казались игрушечными...

Наконец Валерий сказал:

– Если потребность в моей персоне отпала, я, с вашего позволения, пойду.

– Ага! – вместе отозвались близнецы и протянули чемоданчик.

«Хоть бы спасибо сказали, обормоты...»

– Большое спасибо! – тут же спохватился тот, что в пестро-желтых трусиках.

А другой, по-свойски переходя на «ты», спросил:

– Хочешь ириску?

– Чего? – удивился Валерий, трогая плечо.

– Ну, конфетка такая!

– Молочная тянучка!

– Можно долго жевать и сосать! – наперебой объяснили они.

– Разве такие еще делают? – не поверил Валерий? – Я их последний раз в детском саду пробовал.

– У нас в Инске делают!

– Хочу, – решил Валерий (и глотнул слюну).

Из кармашка зеленых трусиков появился на свет маленький кубик в блестящем фантике. На нем была кошачья мордочка и надпись «Кис-кис».

– Люди, вы спасли меня от голодной смерти! Счастливых плаваний! – И, разворачивая, бумажку, Валерий покинул «рулевую рубку». Снова двинулся вверх. Мир наполнился вязкой молочной сладостью...

С верхней площадки Валерий шагнул на тротуар. (Хорошо, что хотя бы он не дощатый, асфальтовый... А впрочем, почему хорошо?) Асфальт здесь не был признаком цивилизации. Сквозь него крепкими зелеными кулаками пробивались к солнцу лопухи. Слева стоял облезлый особняк с колоннами и балконом (балконные столбики были похожи на спицы штурвала, от которого все еще ныло плечо). Справа подымался современный трехэтажный дом с магазином «Гусиное перо. Канцтовары». А поперек дороги, замыкая маленькую квадратную площадь, тянулось оштукатуренное двухэтажное здание с львиными мордами на карнизах редких и узких окон. «Будто арсенал девятнадцатого века», – подумал Валерий.

Посреди «арсенала» виднелась полукруглая арка сквозного прохода. И Валерий пошел в нее, потому что иного пути не было.

Открывшаяся улица тоже была «будто девятнадцатый век». Но все же с примесью современности: афиши кинотеатра, витрины с электроникой, торчащий над заборами двенадцатиэтажный корпус – его увенчивала реклама фирмы «Koleso-Lux». Посреди брусчатой мостовой проехал бесшумный новенький трамвай... И наконец-то Валерий увидел прохожих! Не так уж много, но хватит, чтобы узнать дорогу.

Он выбрал для вопроса пожилую особу в покоем на салоп сером платье и черной блестящей шляпке. К такой особе, словно шагнувшей сюда из времен журнала «Нива» и парусиновых аэропланов, можно было обратиться только так: «Сударыня...»

– Простите, сударыня. Вы не скажете приезжему человеку, далеко ли улица Буксирная?

Особа обратила на Валерия маленькие блестящие очки. Прошлась ими по куртке, мятым джинсам, чемоданчику и кроссовкам. Сообщила неожиданно низким голосом:

– Молодой человек. Прежде чем обращаться к даме, следует убрать изо рта жевательную резинку. Кто вас воспитывал?

Как ни странно, Валерий не испытал смущения. Только хихикнул про себя.

– Виноват. Но это не резинка, а ириска. Мне было бы жаль не дососать и выплюнуть ее. Боюсь, что на сегодня это мой единственный завтрак.

Дама величественно кивнула.

– Это в какой-то степени извиняет вас... А нужная вам улица совсем недалеко. Дойдете до первого перекрестка, повернете направо, там и начинается Буксирная. Желаю успеха.

– Благодарю...

За поворотом Валерий сразу увидел двухэтажный кирпичный дом с полукруглыми окнами. На карнизах топтались голуби. Узкая торцовая стена косо выпирала тротуар, в центре ее виднелась простецкая такая, совсем не парадная дверь. Никакой надписи не было, но на углу дома белел крупный номер «11». И Валерий понял, что пришел куда надо.

Жаль было расставаться с «недососанной» ириской. Валерий выудил из джинсового кармана платок (довольно чистый), завернул клейкую конфетку в матерчатый уголок.

Потом он потянул дверь за маленькую, как на оконном переплете, ручку. Шагнул в низкий темный вестибюль (или, скорее, просторные кирпичные сени). Пахло отнюдь не академически, а как в старой конторе – пыльным картоном архивных папок и сухим деревом дешевых стульев. Хотя самих стульев не было видно. Были только двери. Почти все – без табличек. Лишь на одной висел приколотый кнопкой листок с напечатанными на принтере словами:

ИИСС. Ф-Т НЕСТАНДАРТНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ЗАМ. ДЕКАНА ПО ВОПРОСАМ ЗАЧИСЛЕНИЯ

Опять же это было то, что надо. И штатское «зам. декана» вместо «пом. начальника» дополнительно порадовало Валерия. Он в меру решительно стукнул о дверную доску, услышал «ну кто там еще?» и шагнул через порог.

Зам. по вопросам зачисления (если это был он) оказался похожим на районного счетовода из очень давнего фильма про колхозную деревню. Валерий видел недавно такой по каналу «Ретро». «Счетовод» скучно глянул поверх круглых очков.

– Здравствуйте, – сказал Валерий вместо уставного «здравия желаю». – Разрешите представиться. Курсант Высшего Павлоградского училища спасательных служб Зубрицкий. Направлен в ваш институт в порядке перевода.

– Этого еще не хватало! – услышал он. Голос был юный и дерзкий, принадлежал он явно не заму декана. И Валерий только сейчас разглядел, что слева от письменного стола, в проеме узкого окна устроилась девица. С зелеными, как у русалки, волосами, в облегающих джинсах и коротенькой кофточке, позволяющей видеть полоску голого живота и маленький аккуратный пуп. До сей поры девица укрывалась за желтой саржевой портьерой, а сейчас откинула ее и свесила ногу в лаковой туфельке.

Заставив себя не смотреть на пуп, Валерий сдержанно разъяснил:

– Я не напрашивался. Перевод оформлен приказом.

– И что же явилось поводом для данного приказа? – безрадостным голосом осведомился зам.

– Не могу знать. Полагаю, в документах написано. Разрешите предъявить... – Из внутреннего кармана курточки Валерий вытащил конверт с пластиковой печатью. Положил перед «счетоводом», сделал шаг назад. Мельком глянул на девицу. Та сжала губы и попыталась одернуть кофточку (впрочем, безрезультатно). Зам. декана не стал распечатывать конверт, отодвинул на край. Снова глянул из-за очков.

– Меня интересует не казенная формулировка, а, так сказать, истинные мотивы... если можно.

И тут у Валерия выскочило – неожиданно для самого:

– Видать, рылом не вышел...

Он тут же струхнул, но зам. декана никак не отнесся к его словам. Дернул плечом и повернулся к девице:

– Евгения, не скрипи ты своим маникюром по шторе! Мороз по коже...

Девица Евгения сделала губами «пф-ф», сакнула с подоконника и, обойдя Валерия, застучала каблучками-шпильками к выходу.

Тогда зам. декана глянул с некоторым любопытством:

– А почему вы, собственно, не вышли... этим самым? Вполне достойная у вас внешность. Вон, даже Евгения, занервничала... Кстати, это наша секретарша...

Валерий позволил себе слегка пожать плечами. Он не был готов к такому стилю общения. А что касается «достойной внешности», то Валерий знал: он далеко не красавец. В меру скуласт, в меру курнос и не в меру пухлогуб. Этаким русоголовый механизатор с плаката «Сельское хозяйство Империи – одна из генеральных линий программы Регента». Правда без присущей деревенским жителям широкоплечести.

Зам. декана вдруг сказал:

– Да вы присаживайтесь... курсант...

– Благодарю... – Валерий отодвинул от стола конторский стул, сел на краешек. «Счетовод» между тем все же разорвал пакет, вынул листки, пробежался по ним очками и, кажется, не нашел там ничего интересного.

– Значит, вы не служили в армии...

– Да, я предпочел альтернативную службу.

– Какую именно?

- Был санитаром в госпитале ветеранов, потом в отделении детской онкологии...
- Ну и... не выдержали? – сочувственно спросил зам. декана.
- Не в этом дело. Просто объявили внеконкурсный набор в училище... ну и вот...
- Но как же вы, человек, не приемлющий армейских порядков, решили вдруг поменять гражданскую жизнь на казарму? Вам и оставалось-то всего ничего...
- Дело не в казарме, а в специфике. Сказали: «Училище спасательной службы». Воевать и спасать – разные дела.
- Вы пацифист?
- М-м... думаю, что не всегда.
- Вот как... Простите, а вы верующий человек?
- М-м... в принципе да. Только...
- Что «только»?
- Ну... не ортодокс. А какое это имеет значение?
- Да так, к слову... Ума не приложу, что же с вами делать... – У зама было лицо, как у младшего бухгалтера, который запутался в годовом отчете. – И Евгения куда-то провалилась...
- Я здесь, профессор! – за спиной Валерия опять застукали шпильки. Секретарша обошла его и встала рядом с замом. (Надо же – профессор!)
- Женечка, мне кажется, надо позвонить в Павлоградское, уточнить ряд вопросов.
- Я позвонила, Илья Ильич.
- Профессор Илья Ильич с надеждой вскинул на нее очки:
- И что?
- Илья Ильич, это *Глухов* ...
- О, Боже... – лицо профессора изменилось. «Бухгалтерскую» муку смахнуло крыло явного облегчения. В профессорских очках теперь читалась фраза: «С этого надо было начинать»...

Глава 2

Может быть, правда, с этого следовало начать?

С недавнего разговора, который завязался у Валерия и его однокурсника – Марата Меркушина, отличника и красавца. С некоторых пор Меркушин непонятно почему тянулся к Валерию. Странно даже: этакий лидер, гордость курса, чемпион губернии по виндсерфингу – и вдруг ищет дружбы у середнячка Зубрицкого (у того и заслуг то лишь победа в конкурсе рефератов по нетрадиционной топографии; тема – «Развертка несовмещенных поверхностей в ограниченной области четырехмерного континуума»; ее, кстати, почему-то сразу засекретили). Впрочем, Валерий не сторонился Меркушина, Марат был умный парень...

Ну, вот, столкнув последний экзамен второго семестра, шли они, довольные жизнью, от учебного корпуса к общежитию и решили «слинять на сторону», заскочить в кабачок «Четвертая бочка», слегка отметить начало каникул. Командиры смотрели на такие вольности сквозь пальцы, особенно когда сессия позади.

Кабачок был в укромном переулке, позади заросшего сквера. Путь лежал вдоль заброшенных газонов. На плиточном тротуаре, привалившись к штакетнику, сидела сморщенная бабка в немыслимых лохмотьях, с пластиковой миской у рваных зимних башмаков. Подняла к двум курсантам слезящиеся глазки, зажевала скомканными губами. Валерий зашарил в кармане форменных брюк, выгреб горсть мелочи (только что выплатили стипендию за летние месяцы, вперед). Высыпал монеты в миску. Бабка сильнее зашевелила ртом, Валерий разобрал слово «сыночек»...

Когда отошли, Марат снисходительно спросил:

– Это было в плане спасательных мероприятий или по зову души?

– Не знаю... Просто жаль стало старуху.

– Напрасно, – сказал Марат с добродушной усмешкой. – Чувства надо экономить. В том числе и жалость. Она должна быть целенаправленной.

– Это как?

– В смысле, что жалеть надо тех, кто вписывается в систему.

– «Чтоб понять тебя, мой милый, нынче нету моей силы»... – сказал Валерий фразу из популярной песенки. – Какая система?

– Такая. Каждая живая особь должна быть полезна структуре, в которой она существует. В нашем случае – Империи. Осуществлять гармоничное взаимодействие личности и общества и тем оправдывать свое право на существование... А у этой бабки в чем польза бытия? – Не поймешь, говорил он дурачась или всерьез.

Так же полунасмешливо (и спрятав раздражение) Валерий ответил:

– Для Империи пользы тут, наверно, никакой. Польза только для самой этой бабки. Все-таки живой человек.

– А что это за жизнь? Зачем?.. Ну, придет она с твоей мелочью в питейную лавку, наскребет на четвертинку, сядет за поленницей, выхлебает, закусит корочкой...

– Ну и что? – сказал Валерий совсем уже серьезно. – Выхлебает, закусит, ощутит хоть на пять минут какую-то теплоту в своей незадавшейся жизни. Может, вспомнит что-то хорошее. Все-таки радость для человека, если другого ему не осталось...

Меркушин опять поулыбался. Спросил мягко и снисходительно, как неопытного младшего брата:

– Но ответь: сам-то *такой* человек – он *зачем*?

– Мы едем по кругу, коллега, – тем же тоном отозвался Валерий. – *Зачем кому?*

– Обществу.

– Мне кажется, любой имеет право на жизнь независимо от степени своей общественной значимости, – сформулировал Валерий наукообразную фразу. – Живет потому, что он родился. Лишь бы не мешал жить другим. Каждому положен кусок хлеба и глоток солнца...

– Ну да. Как говорится, «всякое дыхание хвалит Господа»...

– А разве не так?

– Ну-ну... – покивал Меркушин.

– И в конце концов, – слегка завелся Валерий, – кто вправе определять ценность личности? По какой шкале? В Империи многомиллионная орава чиновников, которые ничего не производят, мешают жить нормальным людям, получают за это колоссальные деньги и отнюдь не так безобидны, как несчастная старушка. Но почему-то никто не ставит вопроса об их бесполезности.

– Потому что они образуют *систему*, – терпеливо разъяснил Марат. – Хорошую или плохую, другой вопрос. Но иной у нас нет, значит, мы должны ее поддерживать, чтобы существовать. А поддерживать отбросы общества и лелеять человеческий мусор – значит, усугублять негативные явления внутри системы и способствовать хаосу... Я был убежден, что ты это понимаешь.

– Я рассуждаю более просто. Может быть, даже примитивно... – Валерий все еще старался делать вид, что воспринимает разговор, как шутивную пикировку. – Дело спасателя не философствовать, а выручать из беды любого, кто в нее, в беду, попал...

– Это в тебе булькают остатки интеллигентского человеколюбия, которым грешат многие сторонники альтернативной службы. Пора уже переболеть, ко второму-то курсу. И понять, что спасать следует не всякого...

– А присяга? – тихо сказал Валерий.

– Ну что присяга? Всякую присягу следует понимать в зависимости от обстановки... Регент наш ненаглядный тоже давал присягу – на верность всей Империи и каждому подданному в отдельности. А... кстати, ты ведь работал в детской онкологии? Лейкоз там и всякие другие прелести?

Валерий угрюмо сказал:

– Не хотелось бы вспоминать. – Прозвучало как «ты это не трогай».

– И все-таки вспомни. Сколько было случаев! Нужна срочная операция, пересадка костного мозга, а денег нет, и начинается очередная истерическая компания: «Ах, спасите Вовочку, ах, спасите Танечку, пожертвуйте кто сколько может!..» Какую-то Танечку, может, и спасут, а других, скорее всего, не успеют... Было?

– И что дальше? – Валерий проклял минуту, когда согласился пойти с Меркушиным в кабак.

– Тебе не приходило в голову: почему Регент и правительство сидят своими задницами на необъятных мешках с золотым резервом, а дети мрут? Хватило бы ничтожной доли этого резерва, чтобы спасти всех...

– Мне это приходило в голову, – отчетливо сказал Валерий. – Это сволочизм. – Впрочем, он выразился помягче.

– А вот и не сволочизм, – с грустной умудренностью отозвался Марат Меркушин. – Это, друг ты мой, суровая, но необходимая логика. Здесь нет жестокости. Просто система понимает: дети эти, если и поправятся, не смогут быть полноценными членами общества, станут нахлебниками. Так же, как миллионы беспризорников, пенсионеров, бомжей, инвалидов... Они все, как песок в отшлифованных валиках системного механизма. И чтобы механизм вертелся без скрипа, от песка надо избавляться. Это закон общественного развития.

– На фиг он, этот закон, – сказал Валерий. (впрочем, сказал не «на фиг», а опять же покрепче). – И что в нем нового? Так еще в давние времена рассуждал германский ефрейтор по имени Адольф Шикльгубер. Добром не кончилось...

– Ничего похожего! Тупой ефрейтор строил систему на идиотской теории арийского превосходства и отрицал достижения мировой культуры! А сейчас речь идет о создании здорового общества, которое лишено предрассудков. И об очистке этого общества от мусора. Так сказать, во имя прогресса...

– Не понял. Где это «идет речь»? У кого? – сумрачно поинтересовался Валерий. Ох как не нравился ему разговор...

Меркушин заметно смешался:

– При чем тут «у кого»... Я так, теоретизирую...

– Погано ты теоретизируешь.

– Ну, это как посмотреть. Можно не соглашаться с чужими взглядами, но зачем поливать их помоями? – примирительно заговорил Виктор. – Всякие бывают идеи... Ты слышал о движении «Желтый волос?»

– Слышал кое-что... Какое же это движение? Банда. Это ведь они десять лет назад предлагали сократить «поголовье» беспризорных пацанят и бомжей путем отравленных благотворительных обедов? Мол, тихо, незаметно и эффективно... И кажется, даже в чем-то преуспели на практике...

– Ну, ты слишком упрощенно судишь, – поморщился Меркушин.

– Тогда уж не я, а трибунал. Это он отправил «волосатиков» за проволоку на долгие годы...

– Отправил неумелых исполнителей, а инициаторы сейчас в регентском совете, – хмыкнул Виктор. – Просто десять лет назад власти испугались, что после беспризорников и люмпенов «Желтый волос» возьмется за чиновников, сочтя их тоже бесполезными. Но потом договорились...

– Договорились... до чего? – тяжело спросил Валерий.

Меркушин мотнул головой. Будто очнулся:

– Да это же так, трепотня в курилке! Я знаю не больше других... А разговор-то у нас не о том...

– А о чем... разговор-то?

– В училище ожидают реформы. Расширяется специализация... Будет созданы элитные подразделения для операций особой сложности. Но там требуются ребята с крепкими нервами. Сообразительные и не страдающие излишней... впечатлительностью...

– Такие, кто поймет, что нет резона вытаскивать из огня детишек-инвалидов? Потому как они – «песок»?

Меркушин шевельнул бровями. Сказал опять:

– Слишком упрощенно судишь, дорогой...

Валерий вдруг отчетливо понял: надо жать на тормоза. Заставил себя посмеяться:

– Не злись. Я не красна девица и кое-что понимаю. Просто интересно было посмотреть, как ты лезешь в полемику...

Посмеялся и Меркушин. И они посидели в «Четвертой бочке», поговорили про июньский отпуск, про тренировочный лагерь в июле и августе, про девиц из Текстильного института. Выпили по две бутылки «Флибустьерского», закусили сушеным кальмаром...

Наутро Валерий должен был ехать домой, в Кольцовск. Думал он об этом с удовольствием. Повалается на диване, перелистает старые книжки, побродит по знакомым улицам. Это такое отдохновение души. На него уйдет неделя. А дальше можно будет махнуть на южное побережье. Стоит недешево, ну да разок-то можно себе позволить. Трехмесячной стипендии должно хватить, если не тратить на барахло...

Вечером Валерий пошел в училищный парк, что начинался за корпусом общежития. У корпуса парк был ухоженный, с прямолинейными дорожками, но дальше делался заросшим

и диковатым. В самом глухом краю прятался небольшой пруд (в нем даже водились караси) с редкими кривыми скамейками по берегам. На незаметной, укрытой разросшимися вётвами скамейке Валерий и устроился. Думал, что посидит в одиночестве, побездельничает, позвонит по разным адресам: домой (завтра буду), Шурочке Глазыриной из Текстильного (не грусти до осени) и на вокзал (подтверждаю броню на завтрашний рейс).

Сумерки были светлые, но плотная листва завешивала скамейку сумраком. Пахло болотом, начинали пение лирически настроенные лягушки. Валерий лениво потянулся и вынул мобильник. В этот же миг колыхнулись листья. Кто-то сел на другом конце скамейки. Валерий напрягся. Неужели снова холера принесла Меркушина? Дурацкий дневной разговор сидел в памяти занозой. Нежданный гость мигнул электрической головкой карманной авторучки – на секунду высветил свое лицо. Сверкнули знакомые квадратные очки. Валерий напряг мышцы, чтобы встать.

– Сидите, сидите, Зубрицкий, – глуховато сказал старший капитан-инструктор Глухов по прозвищу Грач (был он черен, носат, довольно молод и не слишком строг с курсантами; впрочем, предмет свой – «Логика поведения в экстремальных ситуациях» – читал отменно).

– Сидите, – повторил Грач. – И, если позволите, я посижу с вами.

– Буду рад, господин старший капи...

– Игорь Максимович.

– Буду рад, Игорь Максимович...

– Не знаю, будете ли... Так и читаю вопрос, который прыгает у вас в голове: «Какой леший притащил сюда этого Грача и чего ему от меня надо?»

– Ну... не в такой формулировке, однако...

– Дело не в формулировке... Для начала позвольте сделать вам крошечный подарок... – Грач бесшумно придвинулся, снова включил головку авторучки. – Вот, булавочка для галстука...

Валерий увидел в пальцах капитана иголку с жемчужным шариком. «Бред какой-то...» И почему-то заныло внутри ожидание неприятностей.

– Но, гос... Игорь Максимович, на мне нет галстука...

– А мы пока вот так... – Грач ловко воткнул булавку под лацкан курсантской курточки. – Не убирайте эту вещь. И можно будет поговорить без помех.

– Это микрофон?

– Это... наоборот... Начнем без промедления. Скажите... Валерий... вы ведь беседовали сегодня с курсантом Меркушиным?

– Да... – И внутри заныло сильнее.

– И, насколько я знаю, высказали ряд суждений...

– Я не высказал ничего предосудительного. А если курсант Меркушин...

– Курсант Меркушин, посвященный в планы относительно элитных подразделений, совершил ошибку. Он посчитал вас человеком, готовым разделить его убеждения и намерения... не знаю, кстати, почему. Возможно, руководствовался какими-то личными симпатиями... Ну, и сказал, как теперь понимает, много лишнего...

– И кинулся стучать начальству! – вырвалось у Валерия. Он чувствовал: в его жизни что-то стремительно меняется. А две минуты назад было так хорошо!

– Ну, вы ребенок, Валерий, честное слово! – как-то совсем уж по-штатски подсадовал Игорь Максимович Глухов. – Зачем «стучать» при нынешних-то технологиях. Всегда можно узнать, кто что где говорит, кто чем дышит и даже... кто сколько раз пукнул ночью.

– Я не пукаю ночью, у меня хороший кишечник, – мрачно сообщил Валерий.

– Поздравляю вас. Но я о том, что на данной территории и вокруг оной любое слово всегда становится известным... кому надо...

– И эти слова – тоже?... – угрюмо сказал Валерий.

– Эти – нет. Я же подарил вам булавочку. Глушитель...

– Благодарю... – Это получилось печально и с тоскливым ожиданием: «А дальше-то что? Зачем этот разговор?»

– А дальше вот что... курсант Зубрицкий... – негромко и четко, как на лекции, сообщил старший капитан-инструктор. – Вам следует сейчас же пойти в общежитие, незаметно уложить чемодан, столь же незаметно отправиться на автостанцию и сесть на ночной автобус до столичного аэропорта. Я заказал для вас билет до Холмска. И еще один – на местный рейс до Заторского Посада. Оттуда вы любым удобным способом доберетесь до города Инска и сразу, невзирая на субботу, явитесь там в деканат факультета нестандартных технологий Инского института спасательных служб. Передадите пакет с документами, где говорится о вашем переводе на этот факультет... Не перебивайте... Инский институт считается филиалом нашего училища. Формально. По сути же это отдельное учебное заведение. Там у вас будет возможность получить ту специальность, которую хотели...

– Но... зачем это все? И перевод, и... вообще...

– Все еще не поняли? Для того, чтобы *выцелели*. Боюсь... уверен даже, что здесь вам это не удастся.

«Держись, Перекос», – велел себе курсант Валерий Зубрицкий. И дерзко сказал:

– Понял. Но не все.

– Остальное поймете позже...

– И все же позвольте вопрос...

– Позволяю.

– Почему вы, господин старший капитан-инструктор, обеспокоились судьбой курсанта Зубрицкого?

– Вопрос логичный... Вам что-то говорит фамилия Иванов?

– М-м... Если перебирать всех Ивановых...

– Всех не надо. Я имею в виду Сережу Иванова, вашего школьного друга...

– Да... Он погиб год назад в Хаса-Тельпе. С караваном гуманитарной помощи...

– Я его старший брат...

– О Боже... – не сдержался Валерий. – А он... никогда не говорил про брата... А ваша фамилия...

– Мы сводные братья. Мама одна, отцы разные. Я жил с отцом... Но Сережку я любил всегда, будто мы рядом. Кстати, при встречах он часто вспоминал о вас... Ну, торопись, Валерий. Чем скорее уедешь, тем лучше для тебя. Кстати, мне совсем не просто было сделать документы в течении трех часов и в рамках всех правил...

Валерий толчком поднял себя со скамьи. И спохватился:

– А вы думаете, в этом... как его... в Инске меня не достанут?

– В *Инске* это будет гораздо труднее. Там ты поймешь... А теперь пора.

Валерию показалось, будто мир вертится с нарастающей скоростью. И все же он сказал опять:

– Еще один вопрос. Если вы... знаете про здешние планы... то зачем вы *здесь*, Сережкин брат...

– А это вопрос... наивный. *Здесь* как раз потому, что *знаю*. Это первое. А второе... – Грач усмехнулся. – Кто бы позаботился о тебе, если бы меня не оказалось... мой разговорчивый друг... Идем.

Грач проводил Валерия до полпути, давая на ходу последние наставления. И тихо свернул в заросли цветущей сирени.

Весь путь сложился четко, по расписанию. Автобус, авиалайнер, маленький биплан местной линии, именуемый «трясогузником». В Заторском Посаде милая касирша аэровокзала

посоветовала не ждать автобуса до Ново-Заторска («ну да, до Инска, это в общем-то одно и то же»), а пойти на ближнюю пристань и сесть на утренний катер.

Валерий так и сделал. По пути он встряхивал головой и удивлялся стремительности происшедших перемен. Однако не очень. Почему-то стало казаться, что все в жизни наладится. Одно плохо – накануне он замотался и не поужинал в курсантской столовой. Последней вчерашней пищей были волокна сушеного кальмара, которым он закусывал «Флибустьерское». А завтрак вот – облизанная ириска, которую пришлось спрятать в платок...

Глава 3

Нет, Валерий не сказал, конечно, ни о разговоре с Меркушиным, ни о Граче. Но понимание, что здесь знают Глухова, знают о «Желтом волосе» и «элитных планах» и планы эти, мягко говоря, не одобряют, сразу стало ясным.

– Вас как зовут-то? – вдруг спросил зам. декана.

– Валерий... – Он ощутил, что разговор переходит на иной уровень.

– А отчество?

– Павлович... – слегка удивился он. Сроду не обращались к нему по отчеству.

– Надеюсь, не Чкалов, – слегка улыбнулся профессор Илья Ильич.

– Да Зубрицкий же! – вмешалась Евгения. – Он ведь уже сказал!

– Да-да... склероз... Я вас, конечно, беру, Валерий Павлович. Если вас не испугают всякие трудности...

– Не испугают! – сразу пообещал он (и мельком опять глянул на Евгению).

Евгения нацелилась на него крохотным фотообъективом сотового телефончика. Валерий насупился:

– Это зачем?

– Для делопроизводства. А вы думали, мне на память?.. Чуть повернитесь направо.

Валерий «чуть повернулся». Мигнул от микровспышки. Секретарша Евгения опять застучала шпильками к двери.

– Оперативная девочка, – с удовольствием сказал Илья Ильич. – Ну-с, а что касается трудностей... Должен предупредить, что факультет пока в стадии становления. Неизвестно даже, успеем ли оборудовать к сентябрю учебные помещения и тренажеры... И такой еще вопрос. У нас нет общежития. Придется устроить вас на частную квартиру, у нашей хозяйки есть соглашение с местными домовладельцами. Но жилье, сами понимаете, не люкс. И доплачивать придется...

– Да ладно, чего там... – совсем уже не по-уставному отозвался Валерий. Все происходящее нравилось ему больше и больше.

– В таком случае я дам вам адресок... – Илья Ильич вынул из стола бланк, вписал в него несколько слов, двинул бумажку Валерию. На казенном листке было написано (частью на принтере, частью чернилами):

Направление

Направляется курсант («курсант» зачеркнуто, написано почему-то "*студент*") *Зубрицкий В.П.* для поселения на частной ж/п, арендованной хозяйством ИИСС по адресу *Скворцовский пер., д. 2* у домовладельца г. *Галкиной К.С.*

Зав. хозяйством (И.И.Яковенко).

– Мне следует зайти в хозяйку за подписью? – понимающе сказал Валерий.

– Что?.. Ох, склероз. Дайте... – Илья Ильич снова утянул бумагу к себе и размашисто расписался. – Я, дорогой Валерий Павлович, здесь один во многих ипостасях. И декан, и зам. по разным вопросам и даже и. о. ректора. Решено не раздувать административные штаты... Кстати, взгляните, здесь на обороте есть адресная схема Инска. Чтобы новички не заблудились... Вы ведь первый раз в Инске?

– Раньше и не слышал о нем, – признался Валерий. – И почему-то не нашел на карте в столичном аэропорту...

– Это естественно... Со временем разберетесь. А пока...

В этот момент опять явилась секретарша Евгения с русалочьими волосами (и в куцей кофточке). Положила перед профессором развернутые корочки.

– А вот и ваш студенческий билет! – обрадовался Илья Ильич. – Я же сказал: оперативная девочка... – Он расписался и протянул корочки Валерию. Тот взял с недоумением:

– А разве прежний не годится?

– Оставьте на память, – посоветовала Евгения и снова села на подоконник (чтобы стрелять глазами и натягивать кофточку на пуп).

На билете Валерий усмотрел свое цветное фото, сделанное пять минут назад. С разломатившейся прической, расстегнувшимся воротом (видимо, здесь такое разрешается!).

– Спасибо... но позвольте спросить, профессор. Везде написано «студент», а не «курсант». Разве институт не филиал военизированного училища?

– Что? А... ну, в какой-то степени филиал, но не военный...

– Вас это огорчает, курсант Зубрицкий? – ласково спросила с подоконника Евгения.

– Н-нет, но беспокоит. Я на закончил альтернативную службу, училище шло в покрытие срока, а здесь...

– В Инске вам все покроют, – утешил Илья Ильич. – Не грузитесь такими проблемами... Кстати, вам ведь сейчас положены каникулы?

– Там были положены, до июля, а здесь... я не знаю...

– В июне можете отдыхать. Но... если никуда не собираетесь, советую заглянуть на Крепостную улицу. Там расположено любопытное фортификационное сооружение, в котором ваши коллеги вместе с рабочими заняты ремонтными делами, готовят лаборатории. В добровольном порядке. И всегда рады помощникам.

– Но сегодня и завтра не ходите. Потому как суббота и воскресенье, – уточнила Евгения. – Все нормальные люди отдыхают, кроме нас...

– Да. Я... конечно... А, простите, почему в билете написано «первый курс». Я ведь перешел на второй.

– Потому что здесь другая программа... Валерий Павлович, – известила его из-за шторы Евгения. – Пока не ясно, все ли предметы по ней у вас зачтены.

– У меня есть зачетная книжка. Можно посмотреть...

– Вот и посмотрим...

Илья Ильич покосился на окно.

– Евгения, не скрипи по шелку маникюром... А курс... это же формальность... Вот... – он привстал над столом, нагнулся и в билете рядом с одинокой римской единицей поставил авторучкой вторую. Евгения за шторой, кажется фыркнула.

– Все детали нашего бытия, – продолжал Илья Ильич, – вы уясните при встречах с вашими коллегами в Крепости. А сейчас рекомендую отправиться на поиски арендованной «жэ пэ». Пока хозяйка не поселила кого-нибудь другого...

Но Валерий, оказавшись на улице, прежде всего кинулся искать какую-нибудь кафешку. В желудке стонал вакуум. Точка общепита обнаружилась быстро. Называлась она «Будьте как дома». Внутри бревенчатой комнатки пахло жареной картошкой и сосисками с капустным гарниром. Валерий взял по две порции того и другого и через полчаса выплыл наружу, чувствуя себя перегруженным лихтером на мелководье. Отдышался на замеченной поблизости скамейке. И наконец вспомнил, что надо позвонить домой.

Он пытался звонить еще вчера, с дороги, но ни квартирный телефон, ни сотовые не отвечали. Наверно, мать с Шуриком были в гостях или в театре, а мобильники отключили. Валерий (икая от сытости) достал свой старенький «Консул», снова набрал домашний номер и... вот еще забота! Выскочила надпись: «Сеть не найдена». Валерий плюнул, понажимал снова. И

новое сообщение: «Poisk seti zatrudnen. Obratites' k dispatcheru Insktelenet». Валерий вспотел, пока разобрал. Потом плюнул. Где искать этого dispatcher'a, пропади он пропадом?

К счастью, неподалеку торчала ветхозаветная будочка междугородного автомата. Валерий вернулся в кафе, купил телефонную карточку, позвонил в Кольцовск. Трубку взяла мать. Валерий сообщил, что, во-первых, у него забарахлил мобильник и постоянной связи пока не будет, а во-вторых, в училище изменили программу, поэтому на каникулы он сейчас не придет.

– Меня заслали на летнюю практику в город Инск, и, видимо, я здесь застряну надолго.

Мать даже не спросила, где этот Инск. Похоже, что сообщение Валерия не огорчило ее.

– Тогда мы не станем тебя ждать и завтра уедем с Шуриком в Геленджик, у нас горящие путевки. Починишь телефон – позвони...

– Привет Шурику, – сказал Валерий.

Шурик – это мамин муж. Он был значительно моложе сорокалетней мамы и при знакомстве с Валерием, год назад, жизнерадостно сказал: «Дружище, в полноценные папаши я не гожусь, а вот в компаньоны по рыбалке или преферансу – за милую душу». «На том и порешим», – согласился Валерий. Хотя не любил ни рыбалку, ни карты.

А с настоящим папашей Валерий общался не чаще двух раз в году – обменивались поздравлениями к праздникам. Отец уже пятнадцать лет жил в Канаде, с женой, которую Валерий никогда не видел (и видеть не стремился).

Валерий снова обосновался на скамейке (рядом с гипсовой скульптурой – девочка и мальчик верхом на крокодиле) и начал разглядывать схему на обороте бумажки-направления.

Схема была любопытная. Оказалось, что центр Инска располагается на треугольной территории. Треугольник ограничен с одной стороны рекой, с другой – одним из рукавов разветвленного оврага (с речкой Тоболкой), а с третьей – пустым пространством, помеченным словом «бол.» (болото что ли?). По краю этого пространства, замыкая центральный район, тянулась пунктирная линия. Вдоль нее выстроились мелкие буквы: *Крепостная линия. Пам. старины*. Валерий сообразил, что на этот «Пам. старины» ему и следует оправиться в понедельник, чтобы не чувствовать себя тунеядцем, когда его будущие сокурсники кладут силы на пользу просвещения.

Однако сейчас нужно было искать Скворцовский переулок и домовладелицу Галкину К.С. (интересно, что у нее за ж/п?).

Разумеется, схема на бумажке была самая простая, не всякий переулок на ней найдешь. Однако за пределами центрального треугольника, к югу от рельсовой линии, Валерий увидел чернильную стрелку и рукописные буквы: *Пер. Скворцовский*. Судя по всему, путь предстоял не близкий. Но Валерий подумал, что есть резон пройти пешком, чтобы познакомиться с Инском поближе. Тем более, что ни транспортных маршрутов на схеме, ни трамвайной или автобусной остановки поблизости не было видно, а расспрашивать не хотелось (вспомнилась дама в салопе и шляпке).

Валерий прикинул по бумажке выбранную дорогу (не прямую, а слегка извилистую – ради любопытства), подхватил чемоданчик, погладил по морде гипсового крокодила и зашагал.

Сперва улица была обычная, вроде, как в центре Кольцовска, но, обогнув девятиэтажный офис «Инскпромбанка», он опять очутился в тишине и безлюдье. А точнее – в заросшем пыльною проходе между стеной из бетонных плит и забором из кривых горбылей. На плитах там и тут белели нацарапанные мелом ребячьи рисунки (в основном улыбочивые коты и тонконогие «буратины»), а на одной бросились в глаза крупные детские буквы:

СВГ – ДА!

НОВО-ЗАТОРСК – НЕТ!

РЕГЕНТ – ПИПИСЬКА!

Надпись была непонятна. За исключением двух последних слов, которые не вызвали у Валерия возражения.

Проход вывел на улицу, именуемую «2-я Смоленская». «Район Смоленских улиц», – вспомнил Валерий схему.

Здесь был особый мир. Тихий, просторный, и будто лежащий вне времени. «Никогда не видел таких большущих деревянных домов», – подумалось Валерию. Это были бревенчатые или обшитые досками здания в два или три этажа (а одно даже четырехэтажное. С мезонинами, башенными выступами, террасами, наружными лесенками, решетчатыми балконами, и маленькими, покрытыми чешуйчатой жостью куполами. С обширными окнами (иногда овальными – «венецианскими»). С обильной резьбой крылечек, наличников и дверей – довольно разностильной и от этого еще более интересной.

На плоской булыжной мостовой там и тут подымалась щетинистая травка, а местами цвели одуванчики. Несколько пацанят дошкольного вида посреди улицы перекидывались красной пластмассовой тарелкой.

– Здравсте! – весело и храбро сказала Валерию девочка, похожая на лампу в пестро-шелковом абажуре.

– Привет, – охотно отозвался Валерий.

– Вы кого-то ищите? – осведомилась она и наклонила к плечу кудрявую голову.

– Просто смотрю...

– А-а... – понимающе отозвались несколько ребятишек.

Меж домов были видны широкие промежутки – видимо, проходы на другие улицы. Судя по всему, такие же удивительные и спокойные. Улицы заманивали в себя. И Валерий свернул в одну, в другую. «4-я Смоленская»... «Малый Смоленский пер.»...

На некоторых домах были вывески: «Швейная мастерская „Царевна“», «Библиотека № 3», «Детский сад „Дружные гномы“». Из распахнутого окна «Гномов» доносились аккорды пианино и разноголосое пение. А на улице почти никого не было. Лишь попались навстречу две бабушки с колясками да похожий на завхоза дядя с портфелем. А еще пестрая коза и серая кошка, которые шли рядышком посреди улицы, чем-то озабоченные. На Валерия не взглянули.

Он оказался на тесной площади, посреди которой подымалась кирпичная церквушка с похожими на шахматных королей башнями. Кресты отбрасывали лучистые блики, небо над ними было очень синим. Из церкви вышел бородатый батюшка, сел на желтый мотороллер и бесшумно уехал в улицу рядом с магазинчиком «Букинисть Букинъ». Валерий засмеялся (по поводу вывески), но в магазин не пошел, а двинулся в ту же сторону, что укативший священник.

Эта улица (6-я Смоленская), была уже прежних. Похожие на терема ворота нависали прямо над мостовой. А двухэтажные дома по разную сторону дороги кое-где соединялись крытыми застекленными мостиками...

Ну и ну! Кто бы мог подумать, что в Империи сохранились такие города!.. Впрочем, велика ты, матушка Империя, и, возможно, даже сам Регент не знает про каждый город, хотя и печется об отечестве неустанно и неусыпно (забудем надпись на заборе!)...

– Просто заповедник какой-то, – с удовольствием сказал себе Валерий.

– Совершенно справедливо изволили заметить! – раздался сбоку дребезжащий голос. Неизвестно откуда возник рядом длиннорылый старичок в большой, похожей на ковбойскую шляпе, сморщенных парусиновых штанах и модной джинсовке. Уж не один ли из «храбрых гномов»?

– Именно заповедник! – продолжил он, приподняв на ходу шляпу. – А вы, я вижу, приезжий? В таком случае вам любопытно будет узнать, что эти и многие другие улицы сохранены усилиями нашего городского головы Петра Кондратьевича Столетова, истинного патриота Инска и человека весьма отважного. Он не дрогнул даже несмотря на явное недовольство местного представительства Регента. А когда ново-заторская фирма «Ньюрегион» предложила Петру Кондратьевичу снести Смоленский квартал и построить здесь, как они выразились, «современный сити», наш голова поступил весьма просто. Он взял бумагу и начертал на ней одно слово. Господа из «Ньюрегиона» спросили: что это? А он: «Я интеллигентный человек и не могу вслух назвать место, куда вам надлежит идти с вашим проектом...» Хе-хе... Был скандал... Но теперь, когда Инск вошел в Эс Вэ Гэ, жить стало легче...

Старичок весело семенил рядом с Валерием, который деликатно придержал шаги и осведомился:

– Простите мое невежество. Я только утром оказался в этих местах и совершенно не в курсе: что такое Эс Вэ Гэ?

– Как же! Союз Вольных Городов, сударь мой! Союз! Тот, куда в данное время входят города самых разных областей планеты. Областей и... гм... пространств... Это всем известные приморские Льчевск и Кан-Орра, Реттерберг, недалекие от нас Овражки, Ново-Туринск и... в общем, ряд еще... Странно, что не слышали...

– Увы... Не слышал и... боюсь признаться, но даже не могу уяснить. Что за Союз? Ведь, чтобы стать вольным городом, надо обрести экономическую независимость от Империи, или...

– Да что вы, что вы! Речь не идет об экономике!.. Здесь вступает в силу, как говорится, независимость иного плана. Основанная на... Впрочем, если поживете у нас хотя бы несколько дней, то разберетесь, я полагаю...

– Думаю, что поживу... Однако позвольте еще вопрос. Инск и Ново-Заторск... Какая-то странная взаимосвязь или, наоборот, противоречие... В чем смысл? Это один город с двумя названиями или...

– Совершенно точно уловили, молодой человек! Взаимосвязь-противоречие. И в чем-то даже отрицание! Некоторые обитатели Ново-Заторска и прежде всего его властные структуры склонны полагать, что Инска просто нет на свете. Что он – такая эмоциональная или, как сейчас принято говорить, виртуальная надстройка Ново-Заторска. Не то легенда, не то игра чьей-то фантазии и посему не имеет права на реальное существование.

– Может быть, что-то связанное с нестыковкой плоскостей многомерного континуума? Я когда-то занимался такими вопросами, но считал, что все это в области сплошных абстракций...

– Как видите, здесь не только абстракции... хе-хе... Впрочем, я, должен признаться, являюсь полным профаном в современных теориях, электронных мудростях, виртуальностях и вопросах многогранного мира. Учился, когда еще писали стальными перьями, макаемыми в чернильницы-непроливашки, да-с... До сих пор не могу освоить сотовый телефон, подаренный правнучкой. Мое техническое развитие застряло на уровне телевизора Ка Вэ Эн и кухонных электроплиток... Впрочем, говорят, что сейчас и плитки эти порой выкидывают нечто непредсказуемое. Вот так-с... Могу ли я, молодой человек, чем-то еще быть вам полезен?

– Спасибо, можете. Не скажете ли, как проще добраться отсюда к Завокзальному району, где, по некоторым данным, расположен некий Скворцовский переулок?

– Тремя путями! – обрадовался «храбрый гном». – Если изволите повернуть налево, скоро окажетесь на центральной улице, которая в Ново-Заторске именуется Имперской, а в Инске Садовой. По ней ходит автобус номер два, он доставит вас прямо к вокзалу, а там вы легко сориентируетесь. Если же вы двинетесь направо и чуть назад, то попадете, на Театральный бульвар, он параллелен Садовой. По нему, а потом по проезду Большого Рынка, вы после получаса неспешной ходьбы окажетесь у моста, который ведет через рельсовые пути. За ним и начинается Завокзальный поселок. Но есть и более короткий путь. По Зеленым дворам. Это обширные проходные дворы с их неспешной, отгороженной от улиц жизнью. Я иногда гуляю по ним. Порой они напоминают поленовский «Московский дворик», хотя более масштабны и менее патриархальны... Вон в те ворота, если угодно...

Старичок приподнял шляпу «вестерн» и, когда Валерий, взглянув на ворота, обернулся к собеседнику снова, «гном» уже куда-то пропал.

Глава 4

Ворота были кривые и тяжелые – со столбами, увенчанными жестяным кружевом, с накладным деревянным узором на могучих створках. Одна створка была когда-то отодвинула, да так и вросла в землю. Валерий вошел в широкую щель.

Двор оказался большущий – ну прямо стадион. Обступившие здешнее пространство дома были не только такие, как на Смоленских улицах, но и попроще, пониже. Деревянные и кирпичные, под штукатуркой. Кое-где виднелись гаражи, и у них возились с машинами и мотоциклами озабоченные владельцы. Но они на этом просторе не мешали ощущению безлюдья. Местами двор покрывали треснувшие каменные плиты, а между ними подымалась высокая поросль безымянных уличных трав. Горело желтое мелкоцветье, над которым кружились такие же солнечные бабочки. Валерий неспешно пошел по плитам и сквозь траву.

Полная женщина в клетчатом переднике развешивала между столбами белье. Доставала из поставленного на землю таза простыни и рубахи, укрепляла их на веревке зажимами, а потом бралась за поясицу и кривила лицо. Увидела Валерия, окликнула, будто знакомого:

– Голубчик, поддержи посудину, помоги хворой тетке!

Хворой она не казалась, но Валерий поставил чемоданчик и взял тяжелый таз. Пошел рядом с тетушкой, которая доставала и вешала белье штуку за штукой. От влажной ткани вкусно пахло свежестью.

– Мужики-то мои до рассвета слиняли на рыбалку, – весело пожаловалась тетка. – А я вот со своим радикулитом верчусь одна. Нагибаться – каждый раз такое страданье... Ну, спасибо тебе. Ты, видать на каникулы приехал?

– Типа того, – усмехнулся Валерий, вспомнив коричневых лягушат со штурвалом.

– Ну, счастливых тебе гуляний... И девушку хорошую...

– Само собой, – согласился Валерий. И почувствовал себя своим на этом дворе.

Впрочем, не только на этом, на другом тоже.

– Добрый день, – сказал он щетинистым мужичкам, забивавшим «козла» на щелястом столе.

– Тебе того же! – оживились мужички, задвигались. – Присаживайся с нами, у нас пивко есть.

– Спасибо, спешу... – (хотя и не очень спешил).

– Ну, добрый путь тогда...

Третий двор и правда напоминал картину Поленова. На залитом солнцем просторе торчали горбатые сараи, белели березовые поленицы, кривился колодезный сруб, валялось колесо от допотопной телеги. Над заборами подымалась очень белая шатровая колоколенка.

Через траву двигалась гусиная вереница. Предводитель с большой шишкой на лбу глянул на Валерия подозрительно.

– Я хороший, – на всякий случай сказал Валерий. Гусак поверил. Гоготнул по-свойски и повел вереницу дальше.

А Валерий через проход среди полениц проник еще на один двор. Такой же широкий, как и прежние.

Здесь было совсем безлюдно. Сначала. А потом, на дальнем конце, из-за ржавого остова древнего «москвичонка» показался мальчишка. Он бежал.

Как-то неловко бежал – то ли спотыкался, то ли прихрамывал. И оглядывался. «Уж не гонятся ли за пацаном?» – кольнуло Валерия.

Но дело было в другом. От мальчишки тянулся в вверх шнур, а на конце шнура, метрах в двадцати над землей дергалось, ныряло из стороны в сторону... непонятно что.

То есть похоже, что змей, только странный какой-то. Коробчатый, что ли? Но коробчатые конструкции бывают обтянуты тканью или бумагой, а здесь весь каркас был виден насквозь. А внутри его что-то громоздилось.

Валерий остановился у заросшего тополиного пня и ждал. Мальчишка рывками приближался (дергал при этом шнур). Он был в сизой мятой одежонке, вроде той, какую лет десять назад носил и Валерка Зубрицкий. Разлохмаченные на кромках джинсовые шорты, такая же безрукавка, надетая на голое тело. Ременчатые сандаletки на босу ногу... Наверно, из-за них, слишком разболтанных, он и спотыкался.

Наконец хозяин змея (или не змея?) остановился в двух шагах. Мельком глянул на Валерия, развернулся и запрокинул голову.

Было ему, как и близнецам на берегу, лет девять.

Если бы тощему и ломкому Буратино заменили нос дырчатым шариком, а круглую голову украсили оттопыренными ушами и сверху покрыли темным ёжиком, то получился бы в точности этот мальчишка. Впрочем, Валерий подумал про такое сходство мельком, потому что смотрел он, как и мальчик, на летающую «штуку».

«Штука» приземлялась. Мальчик что-то сердито шептал, растопыривал невымытые локти и дергал шнур (а точнее – обычную бельевую веревку). Видимо, пытался управлять спуском. Но спуск проходил неуправляемо – зигзагами, то быстро, то медленно. И наконец сооружение косо брякнулось в низкий клевер и подорожники.

Валерий увидел, что это обшарпанный стул из круглых гнутых палок (такая мебель, кажется, называется венской). Стул лежал, завалившись на спинку. В разных местах на нем были укреплены бумажные и пластмассовые вертушки, изогнутые жестянки, мелкие шестеренки и ржавые диванные пружины. А на обратной стороне сиденья держалась примотанная проволокой мятая противогазная коробка (Валерий раньше видел такие в музейном отделе «Вторая Мировая война»).

«Обалдеть», – подумал Валерий. Сам того не заметив, подошел вплотную, навис над стулом. Уронил траву чехол и зачесал в затылке. Взглянул на мальчишку. А тот стоял на одной ноге и левой сандаletкой чесал правую щиколотку. Смотрел на приземлившийся стул и неразборчиво бормотал.

Потом сказал разборчиво:

– Ну, чего тебе опять не хватает, паразит?

Это он стулу, а не Валерию. А Валерий спросил:

– Что у тебя за устройство такое?

Мальчик глянул быстро, отвернулся опять и ответил без охоты, но и без промедления:

– Это лап.

– Что за лап?

– Ну, сокращенно «Летательный аппарат».

– Понятно, что летательный. А почему?

Хозяин лапа посмотрел внимательней. Был он темноволос, а глаза светлые – серые. Круглые и печальные.

– Тебе правда интересно, или ты так... для разговора?

«Для пустого трёпа», – перевел Валерий.

– Мне в самом деле интересно. Как этот лап летает? Вопреки всем законам аэродинамики...

– Здесь другие законы, – сумрачно отозвался мальчишка и опять стал смотреть на стул. Некоторые вертушки лапа крутились, хотя не было на солнечном дворе ни малейшего дуновения.

– Объяснил бы... – неуверенно попросил Валерий.

Мальчик вдруг сел, прислонился к пню, подтянул колени. Глянул на Валерия снизу вверх. Кажется, учуял в незнакомом парне по правде заинтересованного человека.

– Смотри. Видишь, этот стул из гнутого дерева?

– Вижу. И что?

– А в изогнутом дереве всегда возникает напряжение...

– Понятно, – кивнул Валерий. – И что дальше?

Мальчик поморщился. Не перебивай, мол.

– А если в чем-то возникает напряжение, в этом предмете и вокруг него ускоряется время...

– М-м...

– Если «м-м», тогда ты ничего не поймешь, – досадливо сказал хозяин лапа. – Чтобы понять, надо принять этот закон...

Он совсем не похож был на юного интеллектуала. Этакое уличное дитя с исцарапанными конечностями, шелухой на ушах и болячкой на верхней губе. Но говорил правильными фразами. «Видать, немало читает», – мелькнуло у Валерия.

– Ладно, я принял закон... – Валерий сел на корточки между мальчиком и лапом. – Но причем тут полеты?

– А ты знаешь, как работает самолетное крыло?

– М-м... Знал. Но подзабыл, – соврал Валерий.

– Оно снизу плоское, а сверху выпуклое. Поэтому воздух обтекает его неодинаково. С выпуклой стороны путь у воздуха длиннее и скорость больше, чем снизу. А там, где у газа или жидкости скорость больше, давление уменьшается. Значит на крыло снизу вверх давит подъемная сила...

– Правильно. Я вспомнил...

– Ну вот. И со временем так же. Если оно движется с разной скоростью, между двумя потоками возникает энергия. Тоже подъемная сила...

– С ума сойти! – искренне восхитился Валерий. Не столько теорией, сколько ее изобретателем. Но и теория была «с ума сойти». Впрочем, все гениальное граничит с бредом. А то, что идея мальчишки не совсем бред, доказывал вот этот самый лап – он прилег рядом, как уставшая собака, и тихо шелестел вертушками.

– Странно, что до этого никто не додумался раньше... – неуверенно сказал Валерий.

– Наверно, додумывались. Только никто не догадался использовать стул. А в таких стульях напряжение накапливается особенно сильно. Не знаю почему...

Оба стали смотреть на стул.

– А вот все эти штуки на нем... Они для чего?

– Регуляторы всякие, – отозвался мальчик уже более охотно. – Стабилизаторы. Лапы, он ведь капризные. Потому что потоки времени неравномерные, то есть изменчивые. Как вода в ручье... А коробка – это приемник мысленных команд. Чтобы управлять на расстоянии...

– Получается?

– Без веревки пока не получается... Да и с веревкой не всегда, – признался юный изобретатель. – Сейчас вот тоже... Я же ему не велел спускаться, а он...

Мальчик на коленках подобрался к лапу, щелкнул по коробке, тронул бумажную вертушку на ножке стула. Вертушка держалась на изогнутой проволочной шпильке. Шпилька покосилась и упала.

– Вот с-скотина... – шепнул мальчик. Оглянулся на Валерия. – У тебя нет чего-нибудь, чтобы ее прикрепить? Она держалась на смоле, да та высохла...

– М-м... – Валерий мысленно перетряхнул содержимое чемоданчика. – Кажется, нет... – И вспомнил! – Подожди-ка!..

Выудил из кармана платок, отодрал от материи прилипший комок ириски. – Вот... вроде смолы...

– Ура... – тихонько сказал мальчик. Помусолил пальцы, отщипнул от клейкого комка примерно треть и этим кусочком умело прикрепил основание шпильки к ножке стула. – Вот так. И не вздумай больше валять дурака...

Вертушка закрутилась.

– Не туда! – Мальчик и щелкнул по бумажным лопастьям. Они послушно завертелись в обратную сторону. Хозяин лапа сел на прежнее место. Слепил из оставшейся ириски что-то вроде крохотной шахматной пешки, посадил ее на зеленое от сока подорожников колено, покачал.

– В этой штучке тоже напряжение времени? – спросил Валерий.

– Не-а. Это же аморфная масса. А напряжение возникает там, где есть жесткая структура. Из клеток или из кристаллов...

– Слушай, ты в каком классе? – не выдержал Валерий.

– В третьем. То есть перешел в четвертый...

– А откуда у тебя такие знания? По физике и вообще...

– Отовсюду... В Информатории все есть. Подключайся и скачивай.

– Не всякий к нему умеет подключаться...

– Я научился... помаленьку... Там есть раздел «Темпоральные векторы и кольца Великого Кристалла»... Он вообще-то закрытый, но я нашел щелку...

"С ума сойти, – опять восхитился Валерий. Про себя. – Велики чудеса твои, град неведомый Инск..."

– Тебе не говорили, что ты юный талант?

– Не-а... – опять сказал мальчик. – Я юный троечник. Я не умею даже складывать столбиком четырехзначные числа.

– Говорят, этого не умел и великий Эйнштейн.

Мальчик не удивился имени Эйнштейна – видимо, знал. Ответил со вздохом:

– Скажите это Нине Петровне.

– Твоя учительница?

– Ну...

– Придирается?

– Нет, она хорошая. Но я же правда не умею складывать столбиком... – Он отклеил от колена пешку и вылепил вермишелинку.

– Как тебя зовут? – спросил Валерий.

– Лыш...

– Как?!

– Лыш, – отчетливо повторил мальчик. Это как-то перекликалось с «лапом».

– Тоже сокращенное слово? – проявил догадливость Валерий.

– Нет, не сокращенное. Оно из стихов, – с прежней отчетливостью сообщил мальчик Лыш.

Валерий вопросительно молчал. Тогда Лыш внятно и коротко разъяснил.

– Дело было в первом классе. Зимой выпал большой снег и мы слепили снеговика. Он был маленький, и его назвали Малыш. Потом мы на уроке физкультуры катались на лыжах с горок и Малыша тоже поставили на лыжи. Но он все время падал. Пришлось поставить у забора... А на завтра Нина Петровна сказала, чтобы мы сочинили стихи про зимний день. И я написал:

Снегу стало выше крыш.

Наш Малыш

Свалился с лыш...

– Хорошо сочинил...

– Нина Петровна тоже сказала, что хорошо. Только подчеркнула последнее слово. Говорит, что на конце нужна буква «жэ». А я стал спорить. Потому что, если «жэ», то получается нескладно. Называется «неточная рифма»...

– Почему неточная? Произносится же все равно как с буквой «ша»...

– Это я уже потом понял. А тогда спорил изо всех сил. Я свое, а она свое...

– И что? Снизил оценку?

– Нет, поставила пятерку. Засмеялась и говорит: «Ну, хорошо. Только в контрольном диктанте или сочинении, когда подвернется это слово, пиши все же по правилам». Я сказал, что ладно. Тогда все тоже стали смеяться: «Лыш, не падай с лыш-ш...» Так и приклеилось...

– Не обидно? – осторожно спросил Валерий.

– Не-а. Это же не дразнилка, а как второе имя. Даже лучше, чем первое. Константинов на Земле полно, а Лыш один единственный. – Из чего следовало, что настоящее имя Лыша – Константин.

«Лыш» и правда было лучше. Это имя как-то смягчало угловатость мальчишки и чрезмерную правильность (порой даже некоторую деревянность) его речи.

– А меня зовут Валерий...

– Куда, паразит! Стой сейчас же! – заорал в этот миг Лыш и вскочил. Ошарашенный Валерий сел в траву, раскинув ноги. Но оказалось, Лыш кричит не ему. Это лап воспользовался, что на него перестали смотреть и бесшумно поднялся в воздух. Он улетал метрах в пяти над землей, в сторону дальнего забора. Вербка шелестела по клеверу.

– Стой, зараза! – Лыш, нескладно махая руками, мчался следом, пытался ухватить веревку. Но коварный лап взмыл, веревка хлестнула по забору и ускользнула. Лыш остановился, упершись ладонями в доски. Лап набирал высоту и стремительно уменьшался в размерах. Лыш постоял, задрал голову, потом, кажется, плюнул и зашагал обратно, к покрытому мелкой тополиной порослью пню.

Валерий встал. Он смотрел, как идет Лыш – неловко, слегка скособоженно, невпопад дергая локтями. «Кажется, последствия давнего полиомиелита, – подумал наглядевшийся на больных ребятишек Валерий. – Чуть заметные, но все-таки есть...» И отвел глаза, чтобы подошедший Лыш не заметил его догадку.

Лыш через плечо посмотрел на исчезающий летательный аппарат. Потом досадливо глянул на Валерия.

– Разговорились, а он...

– Может, вернется? – виновато сказал Валерий.

– Ага, жди...

– Лыш, а ты не думаешь, что он обиделся? Ты с ним как-то... неласково...

– Да я с ними по-всякому! И добром, и... Это ведь не первый. И не второй... Теперь опять новый стул искать... А за веревку дома влетит, я из кладовки без спросу утянул.

«Пойдем в „Хозтовары“, купим новую веревку», – чуть не сказал Валерий. Но сдержался. Понял, что мальчик Лыш не примет столь примитивного сочувствия.

– Долго ты его строил?

– Недолго... Долго стул искать. Пока все свалки да чердаки облазишь... Теперь ведь таких не делают, это старая мода...

– Извини, Лыш. Это из-за меня. Заболтал я тебя, и вот...

Лыш мотнул щетинистой головой, глянул холодно. И ответил опять четко и размеренно, будто расставил деревянные кубики:

– Нет. Я сам виноват. Надо было привязать, а я забыл. И вот последствие...

– Ну, извини еще раз, Лыш, и я пойду. Мне пора.

Лыш смотрел мимо. Валерий все же кивнул ему, взял чемоданчик и пошел прочь. Но через несколько шагов не выдержал, оглянулся. Они встретились глазами. Лыш смотрел без прежнего недовольства, а как-то... слегка ласково даже.

– Пока, – с облегчением сказал Валерий.

Лыш чуть улыбнулся (шевельнулась болячка на губе):

– Аакса *тан*ка, *тона*...

– Ит*иа*... – машинально ответил Валерий. И пошел к выходу со двора – тоже с полуулыбкой.

И лишь на другом дворе – похожем на прежний, и абсолютно пустом – Валерия словно ударили навстречу тугой подушкой. Он постоял, помотал головой, чувствуя на губах мелкий сухой песок («красный песок»!). Кинулся обратно – и бежать было трудно, будто он двигался в текущей навстречу воде.

Вот он двор, где они только что говорили!

Но Лыша не было. Не было на всей ширине просторного, как зеленый полигон двора. И звенело солнечное безмолвие...

Глава 5

Хозяйка оказалась рыхлая, добродушная, говорливая.

– Как звать-то?.. Валерик, значит! А меня кличут баба Клава. Соседки попрекают: «Какая ты „баба“, даже не на пенсии еще, и мужики на тебя поглядывают», – да я им обратно: "Не мелите языками, окаянные, грех один! Мое дело нынче одно: молодежь опекать, будто внуков своих... Вот и Юнка, племянница, дочка брата Василия, меня бабой Клавой зовет, с малых лет повелось... Она тут, при мне, Юночка-то, родители из Коврова прислали на учебу, да очная учеба не получилась из-за конкурса, теперь на заочной она, в школе художников, а работает на Фарфоровом заводе, посуду разрисовывает...

Валерий спросил, нужен ли аванс.

– Да подожди с авансом-то, поживи сперва, может еще не понравится!

Валерий сказал, что понравится.

Баба Клава привела его в комнатушку, оклеенную бледно-синими обоями с рисунком из корабликов и чаек. Деревянная кровать, стол с ящиком, два стула (не венских), книжный стеллаж до потолка. Не богато и не просторно. Однако по сравнению с казарменной комнатой на шестерых – отель «Астория».

Пахло известкой побеленного потолка и вымытым некрашеным полом.

Окно было широченное. Что-то празднично-красное отражалось в стеклах распахнутых створок. Валерий уперся ладонями в подоконник, выглянул наружу. За окнами были грядки и яблони, а ближе к окну вспухали, пышно громоздились гроздья алых соцветий. Казалось, хотят забраться в комнату.

– Баба Клава, что за цветы? Не видал таких...

– А герань это, голубчик, герань!

– Герань, вроде бы, комнатный цветок, в горшках...

– Это правильно. А Илюша и Федя, студенты с биофака, что в запрошлом году у меня жили, посеяли семена вот прямо в огороде. Говорят, что в нашем климате герань, она комнатная, а в Южной Америке прямо целые кусты. И посадили особый сорт. С той поры и растет... Илюша-то в этой комнате жил, а Федя в той, где сейчас Юна. Они той весной закончили институт, а цветы все разрастаются, как на память от них, подарок... А ты по какой линии обучаешься? Не биолог?

– Спасатель я, – неохотно сказал Валерий.

– Батюшки мои... Ну, давай я тебе постель застелю, да обедом покормлю. Я тут окрошку приготовила да котлеты картофельные с грибным подливом, а Юна позвонила, что не придет до вечера, окаянная душа, дела, мол, всякие. Я говорю, разве ж можно без обеда который день подряд, а она: я, мол диету соблюдаю для стройности...

Валерий вежливо посмеялся и сказал, что он тоже не хочет обедать, плотно позавтракал. А хочет он вздремнуть. Потому что ночь был в дороге, на двух самолетах да на катере, и толком поспать не сумел...

Баба Клава захлопотала с постелью...

Через пять минут Валерий скинул кроссовки и куртку и ничком бухнулся поверх плюшевого покрывала. Вдохнул запах свежей наволочки... Он всегда спал носом в подушку, такая привычка с детства. И теперь показалось, что он дома, в Кольцовске.

Но это ощущение не принесло полного покоя. Щемящее воспоминание сидело в нем, вызывало тревогу и непонятную печаль... Она, тревога эта, была и раньше – когда искал Сковорцовский переулок и дом номер два, когда беседовал с бабой Клавой. Валерий поэтому и разговаривал с ней рассеянно, будто издалека, а думал все о том же: "Откуда Лыш знает эти слова?"

Их не может знать никто... Их *простонет* ..." Аакса танка, тона... «И не удивился, услышав ответное „Итиа“»...

«Удачи тебе, друг...» – «Прохлады...»

А может, Лыш сказал что-то другое? А ответ не расслышал? Но с какими словами можно спутать *эти*? И тем более не спутаешь интонацию...

«Удачи тебе, друг...»

«Прохлады...»

...Прохлады там всегда не хватало. Солнце было плохо различимо за постоянной мгlisto-серой пеленой – этакое тускло-белое пятно, однако жарило оно от души. Пройдешь с километр и уже будто испеченный в газовой духовке... А оранжево-красный песок – мелкий, как пыль, – взлетает из под сандалий и горячими взмахами щекочет ноги...

И вот что непонятно! Солнце – размытое, неясное, а тени от него – четкие, будто нарисованные тушью. Особенные тени. Они живут сами по себе. Бывает, что предмета уже нет, а тень... она «как новенькая». Вот истлевают в песке развалившийся конский скелет, а рядом нетерпеливо топчется опрокинутый на песок черный силуэт живого коня. Может, не решается оставить того, от кого возник под этим солнцем? Или жалеет?..

Мальчишечья тень была тоже очень резкая. Легкая, ломкая. Глядя на нее, Валерий понял, что сейчас он не взрослый парень, а вроде Лыша. Он – прежний Валерка, уже не впервые оказавшийся в Песках.

Что за Пески – в каком мире, на какой планете – Валерка не знал. И это незнание не огорчало его. Он помнил только одно: необходимо добраться до Башни. И бросить шар...

Шар был небольшой, но тяжеленный, в полпуда весом. Чугунный. Валерка нес его в перекинутой через плечо холщовой торбе. Спотыкался, ронял с ног сандалии, страдал от зноя. Но надо было идти. Он знал, что немало других людей тоже несут свои шары. К этой ли башне, к другим ли – ему было неизвестно. Но где-то несут. Он помнил фразу: «Каждый несет свой шар...» Или не про шар там говорилось? Неважно. Все равно в этих словах твердая обязательность взятой на себя задачи.

Никто не приказывал ему идти. Просто Валерка знал, что *должен*. Такое знание помогало Валерке пересиливать жар, песчаное бездорожье и усталость. И он не ощущал больших мучений. Наоборот, сидела в нем даже этакая горделивость: «Иду несмотря ни на что...»

Но самым главным и самым тревожным чувством была боязнь, что не дойдет. Не успеет. Чаще всего так и случалось. Сон кончался, когда Башня была еще далеко на горизонте и торчала в горячем сером небе, как черный обгрызанный карандаш... Но бывало и по другому. Вот, как сегодня! Мягкий топот копыт послышался за спиной, всадник на рыжем коне, в белой накидке с капюшоном, обогнал Валерку остановился в трех шагах...

– Аакса танка, *лана хоокко*... (Удачи тебе, маленький путник.) – Под белым капюшоном узкое коричневое лицо с лучистыми морщинками у глаз.

– Итиа танка, *лоя кассан*... (Прохлады тебе, добрый всадник.)

– Тта *токка*? (К Башне?)

– Тта *наа*... (К ней...)

– Кхад*ата*, лана-та... (Садись, храбрый мальчик...)

Тонкие коричневые руки взметнули мальчишку на коня (Валеркина тень едва успела приклеиться к тени скакуна). Холщовая торба вмиг приторочена к седлу. Сам Валерка – впереди всадника, держится за высокий седельный изгиб (кажется, называется "*лука*"). В плече, избавленном от тяжести, да и во всем теле сладкое облегчение. Встречный прохладный ветерок (итиа-васс*ана*) гладит лицо, локти, ноги. А конь бежит – будто летит, копыта ничуть не проваливаются в песок. И Башня вырастает на глазах. Уже не черная, а серо-красная, впитавшая в себя отсветы Песков. С темным рельефом гранитных орнаментов, выступов, карнизов

у темных и узких окон, с каменной короной, венчающей верхний край... Вот она уже нависла над головой, конь вступает в ее очень темную тень.

– Неа одата да, лана-диа. Оста-дон тта хасса ну... (Дальше иди сам, упорный мальчик. Взрослым туда пути нет...)

– Вессана-сана танка, лоя кассан... (Да хранят тебя пески, добрый всадник...)

– Аакса танка, лана хоокко...

Да, теперь-то удача не оставит Валерку. Тяжесть чугунного шара не сломит его. Она ведь не злая, эта тяжесть. Она – чтобы заработал механизм...

Путь наверх, конечно, ох как нелегко. В ногах стонут все жилки. Спиральная лестница в тесном проходе крута, шершавый камень стен обдирает оттопыренные локти. Иногда в окна щели бьет резкий знойный свет. Но минуешь окно, и опять впереди сумрак. В застоявшемся воздухе запах гнилых грибов. Сандалии хлопают по высоким ступеням. Их, ступеней этих, – Валерка знает – целых сто двадцать. Правда, после каждого десятка – площадка, но сбрасывать с плеча груз нельзя: неизвестно, сумеешь ли поднять снова. Одно хорошо: теперь уже сон (или не сон?) не кончится, пока Валерка не сделает свою работу.

Вверх, вверх... И вот она, широкая круглая площадка, опоясанная гранитными зубцами. Валерка с гулом роняет груз на каменный пол. (во всех мускулах – сладость долгожданного отдыха). Зубцы выше Валерки. В просветах между ними – всё то же мглисто-стальное небо, красные и рыжие песчаные моря. Но... в стороне, противоположной солнцу – как награда храбромому мальчику (лана-та) – встает и чуть колеблется в зыбком воздухе город со знакомыми крышами и колокольнями. Его, Валеркин, Кольцовск. И Валерка знает, что это не мираж... Надо только сделать последнее, самое важное...

Отдышавшись, он раздергивает кожаные шнурки на торбе, достает полупудовое чугунное ядро. Оно гладкое и теплое. Выгибаясь и прижимая шар к животу, Валерка несет его к началу низкого каменного желоба. Укладывает там. Желоб – слегка наклонный, он ведет к отверстию в плите.

Валерка прощально вздыхает, гладит черную выпуклость шара («Аакса танка...») и толкает его по желобу. Тот катится неспешно и пропадает в круглой дыре (она точно по калибру ядра). Сначала тихо. Потом слышится негромкий лязг, скрежет и мягкий, похожий на журчание, шум. Валерка не видит, что происходит в таинственных недрах Башни. Но... в то же время как будто видит. Или, по крайней мере, *точно знает*. Шар, прокатившись по изогнутой трубе, падает в черпак на длинном коромысле. Коромысло закреплено на оси. На другом его конце – большущая дуга с зубчиками. Черпак под тяжестью шара начинает клониться, а дуга медленно идет вверх и при этом своими зубчиками принимается вращать медную шестерню. На валике шестерни – тоже зубчики. Они приводят в действие другие колесики. Чем шестеренка меньше, тем быстрее она вертится. И все они двигают разные рычажки, валики, упругие пластинки, заставляют прыгать разноцветные шарики, крутят бронзовые фигурки корабликов, петушков и лошадок... И сколько это продолжается, непонятно. Может быть, очень долго. В гранитной глубине башни еле слышно звякают колокольчики. Валерка слушает их со спокойной радостью. Он знает, что помог Великому Времени войти в нужный ритм. Хоть немножко, но помог. Оно, Время, иногда нарушает ритм, даже останавливается порой, и надо его подталкивать, сглаживая сбои и провалы. Его надо *спасать*. Потому что, если Время сбивается, нарастают всякие беды, случаются катастрофы. А чем больше брошено в недра башни шаров, тем бед и катастроф этих будет меньше...

«Я – спасатель...»

Шар наконец выскальзывает из первого черпака и падает во второй (дзын-нь!). И снова начинается работа рычагов, шестеренок, валиков и вертушек с фигурками. Подробности такой работы Валерке непонятны, однако главный смысл известен. А еще Валерка знает, что шар

будет падать с черпака на черпак и крутить механизмы Башни очень долго. Так что в следующий путь через Пески придется отправляться не скоро...

Валерий проснулся и понял, что лежит на спине. Увидел побеленный потолок и обои с корабликами. Вспомнил, где он и что с ним. Сон все еще сидел в нем, не отпускал. Валерий улыбнулся – хороший сон. Было в нем и воспоминание детства, и сознание выполненного важного дела. Но почти сразу позади этих ощущений заскреблась прежняя тревога. Ну, пусть не тревога, а беспокойная неясность: откуда он, этот Лыш, знает *тесамые* слова?

А может, все таки Валерий ослышался? Всякое могло случиться после бессонной ночи, среди зеленого, звенящего от тишины пространства. Конечно, так и было!.. Но чтобы решить загадку до конца, был один только способ: снова пойти на тот двор, встретить удивительного хозяина летающего стула и поговорить на чистоту. Ну, возможно, сразу и не встретишь, однако можно расспросить кого-нибудь: где тут обитает мальчишка по имени Лыш?

Валерий рывком сел. Глянул на часы, которые не снял, когда плюхнулся на кровать. Мамочка моя! Это сколько же он спал! Был уже седьмой час вечера. Лодырь! Ну, а с другой стороны, куда спешить? «Молодой здоровый организм» отдохнул на сто процентов, и теперь Валерий чувствовал себя полным сил.

В дверь осторожно стукнули.

– Да... – сказал Валерий.

В комнату просунула голову девушка. С простеньким таким, с чуть веснушчатым лицом, с перехваченными синей ленточкой короткими волосами.

– Привет! Ты – Валерий?

– Угу, – сказал он, старясь сообразить: не слишком ли помятый у него вид и в порядке ли молния на джинсах.

– А я – Юна.

– А я понял, – улыбнулся Валерий (кажется, все было в порядке, даже носки без дырок). – Баба Клава про тебя говорила...

– Баба Клава в огороде клейстер варит на электроплитке, хочет на веранде новые обои клеить. А герань подросла еще на десять сантиметров...

Валерий не понял, причем тут герань. Зато понял, что с Юной отношения будут простыми и ровными, будто они выросли в одном дворе.

Юна приоткрыла дверь пошире.

– Хочешь крошки? Баба Клава сказала, чтобы подкормить тебя, когда проснешься.

Валерий подумал.

– Да, хочу.

Они сели на кухне, где пахло ржаными сухарями. Юна налила крошку в две тарелки, расписанные по краям рыжими петухами, села напротив. Глотнула, глянула.

– Эти тарелки я сама разрисовывала...

– Обалдеть! Вот это живопись! – похвалил Валерий. Тарелки и в самом деле были хороши. Окрошка тоже. – А «Юна» это полное имя или сокращенное?

– Полное «Юнона», – охотно объяснила она. – Родители в молодости обмирали об опере «Юнона» и «Авось». Ну, помнишь: «Я тебя никогда не увижу»? Караченцов поет...

Валерий кивнул, делая глоток: помню, мол.

– Вот и наградили меня имечком. Получилась Юнона Васильевна. Сочетание, да?

– Нормальное сочетание... – Валерий невоспитанно облизал ложку. – Есть другая опасность...

– Какая?

– Где «Юнона», там и «Авось». Тебя никогда не дразнили Авоськой?

– Ой... – она испугалась почти всерьез. – Никогда... Ты никому не говори. А то ведь и правда...

– Не скажу, – тоном заговорщика пообещал он. Провалиться мне... – И отодвинул тарелку. – Спасибо. Где у вас моют посуду?

– Да ты что! Я сама!

– Спасибо, – сказал Валерий еще раз. – Я пойду прогуляюсь. Надо знакомиться с новыми местами обитания. Раз уж забросила судьба.

– У нас хорошие места. Родители меня хотели устроить в столице, у другой тетки, а я ни за что... Подожди-ка... – Она встала, пошарила в кармане пестрого халатика, вынула плоский ключ. – Возьми. Если вернешься, когда уже все спят... Хотя вообще-то можно и через окно.

– А что, окна у вас никогда не закрываются?

– Если тепло, не закрываются, конечно...

«Странный город Инск», – уже не первый раз подумал Валерий. И вспомнил, что нигде здесь не видел на окнах решеток.

Глава 6

Переулок был недалеко от рельсового полотна, вдоль которого плотно стояли рослые тополя. Валерий перешел через гулкий виадук, и тогда началась путаница. Где улица, ведущая к *тем самым* дворам? Вернее, к забору, через дыру в котором он выбрался днем, когда миновал последний из дворов (мысленно Валерий называл их теперь «Зелеными полигонами».)

Наконец улица нашлась. Но забора не было. Вернее, был, но не похожий на прежний и без дыры. Валерий поскреб темя, пошел налево, по тропинке среди зацветающего иван-чая. Тропинка привела к началу (или концу?) Театрального бульвара. Немногочисленная и неспешная публика прогуливалась вдоль скамеек, на которых кучками сидели пестрые волосатые старшеклассники – соединялись головами над плеерами и ноутбуками. Иногда одна скамейка перекликалась с другой: видать, шла какая-то коллективная игра, в общей сети. Порой из-за скамеек возникали пацанята безответственного младшего возраста. Они вытягивали шеи, подавали дурашливые советы или отпускали шуточки. На них цыкали, но не сердито.

Никакого театра Валерий не усмотрел, только многочисленные киоски и два фонтана, в которых искрилось желтеющее вечернее солнце. Он прошел бульвар из конца в конец и оказался в Рыночном проезде. Здесь по краям улицы в самом деле было несколько мелких рынков, но они уже кончали работу – продавцы, перекликаясь, запирали рундуки и свертывали разноцветные тенты. Подчиняясь внутренней подсказке, Валерий свернул направо и понял, что здесь начинается район Смоленских улиц. Знакомые места!

Валерий хотел сразу отправиться к воротам, за которыми открывались «Зеленые полигоны», однако у деревянных причудливых улиц проявилось колдовское свойство. Они затягивали в себя, обнаруживая все новые закоулки и удивительные резные фасады, заманивали под перекинутые между балконами мостики, запутывали среди узорчатых изгородей. Идешь и не замечаешь времени... Наконец Валерий тряхнул головой, прикинул направление и заставил себя выбрать короткий путь. И скоро оказался у *тех самых* ворот...

Теперь, вечером, широкие дворы были оживленнее, чем днем. У дверей болтали друг с дружкой соседи, доминошников за столами стало больше. Там и тут перебрасывались мячами и прыгали через скакалки ребятишки. Перекликались мелодиями проигрыватели. В том дворе, где Валерий встретился с Лышом, несколько пацанят шумно устанавливали на остоле ржавого «москвичонка» мачту с веревками. Видимо, сооружали корабль. Но того, кто был нужен Валерию, среди них не оказалось.

Валерий подошел.

– Народ, вы не знаете мальчика по имени Лыш?

Он опасался недоверчивых взглядов и встречных подозрительных вопросов. Но «народ» весело и наперебой сообщил, что Лыш крутился тут совсем недавно, а потом «упрыгал куда-то».

– Наверно, опять стулья ищет...

– Или у себя в сарае...

– Да нет, он, скорее всего, на берегу, где костры, – сказала деловитая девочка с поцарапанной щекой. Он там почти каждый вечер...

Валерий не стал спрашивать, что за костры и где именно на берегу. Решил послушаться интуиции. А она подсказала, что с этого двора надо идти в проход между поленницами. Там оказался забор с раздвинутыми досками, и через эту щель Валерий проник на улицу, где еще не был. Уже не из числа Смоленских, а Оборонную. Дома здесь были кирпичные – одни красные, другие под штукатуркой. Особнячок с башнями был похож на игрушечный замок, а за ним тянулось двухэтажное здание старинно-казенного вида – с длинной надписью у крыши: «Гостиница Инского пароходства». С другой стороны улицы стоял забор со столбами из серого

кирпича. Между столбами вместо решетки были вставлены разнокалиберные железные штурвалы – вроде того, что утром Валерий помог тащить двум «лягушатам»... Воспоминание об этом его порадовало. А Оборонная улица тем временем вывела Валерия к сложенной из гранитных блоков и валунов стене.

Высотой стена была метров пять. Разрушенный гребень ее порос кустистой травой и березками. Слева и справа поднимались круглые широкие башни – тоже обросшие вверх. И Валерий понял, что перед ним Крепость. *Та самая.* Эту уверенность подтвердила черная стеклянная вывеска на левой башне. Она блестела рядом с массивной полукруглой дверью, запертой на амбарный замок.

Инский институт спасательных служб

Факультет нестандартных технологий

Лаборатории

«Значит, в этих руинах отныне будет решаться моя судьба», – хмыкнул про себя Валерий. Опять же с удовольствием (как при воспоминании о штурвале).

Соединенные стеной башни стояли шагах в двадцати друг от друга, а от них стены тянулись вправо и влево. Довольно далеко и с постепенным понижением. Валерий припомнил чертеж на обороте бумажки-направления и сообразил, что, если идти к реке, то надо налево. И пошел вдоль лопухов-репейников. Кроме башен, у развалившейся крепости никаких построек не было заметно. В стене все чаще открывались провалы. Через них виднелась болотистая низина, на дальнем краю которой слабо различались многоэтажки современного микрорайона. Над ними уже довольно низко висело слепящее солнце – толком ничего не разглядеть. Валерий сообразил, что низина – то самое «бол.», которое обозначено на схеме за стеной-пунктиром. И что эту низину где-то в километре отсюда должно ограничивать русло реки (по которой он, Валерий, и прибыл утром в сей славный город Инск).

Шагать все время вдоль стены показалось скучным. Валерий взял еще левее, попал к перекрестку, где вход в переулок был обозначен двумя одноэтажными строениями с закругленными углами (похоже на старинные форты) и вдруг почувствовал, что на него опять наваливается сонливость. Неужели не доспал в уютном домике бабы Клавы в... *в каком* переулке?

Этого еще не хватало! Он понял, что начисто забыл адрес. И название переулка, и номер дома, и... даже обратный путь представлялся весьма смутно. Да, через дворы, но как попасть к ним отсюда? Куда идти, после того, как минует «полигоны»?

Наваждение, честное слово!

Правда, не было в этом наваждении большой тревоги, скорее дурашливость какая-то. Будто город Инск решил поиграть с новичком. Но... нет, все-таки беспокойство было. Как он попадет домой-то?..

«Это от избытка впечатлений, – назидательно сказал себе Валерий. – Чересчур много событий. Похоже, что тебя стукнуло упавшим с неба венским стулом...»

Впрочем, все мысли были отстраненными, не волнующими. А главным ощущением была подкатившая дремота – сладковатая такая и соблазнительная. Присесть бы на лавочку и прикрыть глаза. Тогда, небось, все придет в норму. Лавочка попала на глаза, как по заказу. Вернее, широкая скамейка, приютившаяся под гроздьями сирени. Валерий сел, вдохнул запах... Где-

то далеко позванивал трамвай и перекликались ребячьи голоса... Валерий, не желая больше противиться, лег на скамью с ногами, положил голову на локоть... «Только на минутку...»

Сколько прошло минуток, было не понять. Видимо, не мало. Потому что, когда Валерия осторожно потрясли за плечо, в небе уже не было солнечного света, стояли сумерки. Правда, светлые (июнь же).

Побеспокоил Валерия невысокий парень с торчащими из под форменной фуражки белобрсыми прядками. В рубашке с погончиками. Он поднес ладонь к козырьку.

– Прошу прощения, здравствуйте. Подпоручик муниципальной стражи Петряев.

«Здесьняя милиция, что ли? Этого еще не хватало!» Валерий быстро сел.

Подпоручик Петряев не казался строгим и придирчивым. Он похож был на молоденького милиционера-новичка из кино про будни уголовного розыска столетней давности. Валерий малость осмелел:

– Я что? Нарушил какие-то правила?

– Да ничего ты не нарушил, – отозвался представитель муниципальной стражи неожиданно своим тоном. – Просто иду, смотрю, прилег человек. Ну и подумал: может у тебя проблемы?

Валерий поморгал. Понял, что по-прежнему не помнит ни адреса, ни пути к бабе Клаве. Мотнул головой.

– По правде говоря... проблема да, есть... Я только сегодня приехал в Инск. Перевелся в институт. Устроился на квартире, потом пошел побродить и вдруг сообразил: ну, совершенно не помню, где эта квартира. И как переулок называется, не помню. Бред какой-то или гипноз...

– Бывает, – понятиливо кивнул подпоручик.

– Да нет, ты не думай, что я чего-то такое... – Валерий решил, что, если милиционер говорит ему «ты», значит и он может так же. Петряев это воспринял как должное. Кивнул опять:

– Я ничего такого и не думаю. А как хозяйку зовут, тоже забыл?

– Помню! Баба Клава.

– А-а! – сказал поручик Петряев с веселой ноткой. – Тогда конечно. А что, разве она не дала тебе свой номер телефона?

– Не дала... Да у меня, по правде говоря, и мобильник барахлит здесь. Пишет, что сеть не найдена...

– Дай-ка, – сказал подпоручик и сел рядом.

Валерий вытащил мобильник из кармана. Включил питание. Петряев понажимал кнопки, хмыкнул над светящимся дисплеем:

– Немудрено. Блокиратор местной сети фокусничает... Сейчас мы... Вот. Теперь можешь звонить хоть в Антарктиду.

– Спасибо. В Антарктиду некому, а матери позвоню, беспокоится, наверно... – И подумалось: «А так ли уж беспокоится?»

– Позвони... Только подожди, дай я... – Подпоручик набрал какой-то номер. – Баба Клава? Это Петряев. Ну, Виктор то есть... Да-да, Витя, тот самый... Баб-Клава, ты опять, небось, плитку жарила полдня и потом выключить забыла?.. Ну вот, и я про то же. Сколько раз говорил: если разогреваешь эту фиговину, накрывай ее корытом. Для экранирования... «Что-что»! Опять твой квартирант заблудился, не помнит адреса... Не знаю... – он оглянулся: – Ты Валера?.. Да-да, Валера, он самый... Да теперь-то что, придет, никуда не денется... Откуда я знаю когда, может он всю ночь будет гулять...

– У меня ключ есть, – сказал Валерий, который вдруг стремительно вспомнил и адрес, и дорогу в Скворцовский переулок.

– Он говорит, что у него ключ есть. Да... А плитку больше не включай без экрана... Пока... – Он опустил мобильник. – А ты, значит, Валера? А я, как ты понял, Виктор. Или Витя. Будем знакомы... – И протянул руку. Ладонь была твердая, как у гребца. – Баба Клава тебе передала, что, если придешь поздно, открой холодильник, там простокваша, а хлеб на подоконнике... А со своей плиткой она многих на уши ставит, особенно приезжих. У этой штуки откуда-то колоссальный потенциал по перестройке пространственных конфигураций. Непривычные люди порой голову теряют, чудится всякое...

«Ну, уж сон-то я видел не из-за плитки», – подумал Валерий. А Вите сказал:

– Я уже не удивляюсь всяким фокусам этого города...

– И правильно делаешь. Если удивляться говорящим утюгам или светящимся шарикам над болотом... – Витя не договорил.

– Или летающим стульям... – добавил Валерий.

– Вот-вот!.. А ты что, познакомился с Лышем?

– Ты его тоже знаешь?

– Кто не знает изобретателя Лыша... – сказал Витя. Будто даже с гордостью.

– Слушай, а как это у него получается? Со стульями-то? Он, правда, объяснял, но...

– Он тебе что хочешь объяснит, – покивал Витя. – И бывает, что очень понятно. Только вот беда: для других такие объяснения бесполезны. То, что получается у этого пацана, у других не выходит никогда...

– Аномальные способности?

– Кто его знает... Он в ясельном возрасте долго лежал в больнице, думали даже, что не сможет ходить. Мать и сестренка столько с ним возились. А он потом как-то сразу встал на ноги и давай всех удивлять фокусами. В школе шалей-валяй, а вот живое чучело из репейников слепить – это ему раз плюнуть... А чучело, между прочим, копия Регента. Говорит, случайно... – Впрочем, в голосе подпоручика муниципальной стражи не было осуждения.

– Повидаться бы мне с ним. Не с чучелом, а с Лышем, – сказал Валерий. И объяснил почти честно: – Днем, когда расставались, он сказал несколько слов на... очень древнем языке. Почти никому не известном. Я сперва не врубился, а сейчас думаю: откуда он это знает?

Витя опять не удивился:

– Он может... А ты что, специалист по языкам?

– Ну, в какой-то степени... Мне сказали, что сейчас Лыш где-то на берегу. У костров...

– А! Вполне возможно... Если хочешь, пойдем вместе. Я на дежурстве, у меня произвольный маршрут...

– Пойдем, если произвольный, – охотно сказал Валерий.

Глава 7

Они вышли к реке правее лестницы и пристани.

Сильно пахло сиренью и лопухами.

Размашистый закат охватил северо-западный край неба. Река отражала его во всю ширину – от берега до берега мягкий желтовато-палевый свет. Укутанные в заросли откосы казались под этим небом и рядом с водой почти черными. Между откосами и водой, на плоском береговом пространстве были рассыпаны оранжевые кляксы костров. Было их не меньше десятка. Витя повел Валерия вниз по извилистым тропинкам, репейник шуршал по штанинам и рукавам.

Спустились, перешли заброшенные рельсы, оказались на сухом песке, который тут же стал забираться в кроссовки.

Ближний костер горел шагах в десяти. Несколько мальчишек и девочка – человек семь – сидели у него подковой. Лица казались бронзовыми от огня. Девочка что-то говорила, ребята иногда смеялись. Трое парней лет шестнадцати – волосатые, с гитарой – подошли к этой компании, остановились за спинами. Затренькали струнами. На пришельцев заглядывались.

– Вы чего? – сказал один из мальчиков.

– Да так. Постоять у огонька. Или посидеть... – отозвался гитарист.

– Развели бы свой и сидели там, – недовольно посоветовала девочка-рассказчица.

– А тут, значит, у вас тесно? – укоризненно заметил один из волосатых.

– Вы будете брэнчать и песни петь, – разъяснила девочка. – А мы про свои дела разговариваем.

– Пошли, юноши, нас тут не поняли, – подвел итог парень с гитарой и сопровождал слова скорбным аккордом.

– Да вы не обижайтесь, – тонким голосом попросил самый младший мальчик. – Хотите мы вам головешку для растопки дадим?

– Сами вы головешки, – сказал гитарист. Впрочем, добродушно. И трое зашагали по песку.

– Миротворительный народ, – заметил Валерий. – Другие бы, чего доброго, напинали ребяткишкам и узурпировали территорию...

– Сразу видно, что ты не здешний, – откликнулся Витя. – На здешних берегах такого не бывает. Особенно там, где костры...

Они подошли к огню. Ребята у костра, опять заглядывались – так же, как на тех троих.

– Витя, привет! – узнала подпоручика девочка. Глянула на Валерия, сказала и ему: – Здравсте...

– Мы мешать не будем, – сказал Витя. – Только один вопрос: Лыша не видели?

– Видели!

– Он тут вместе с сестрой проходил...

– И со стулом...

– Наверно, он у другого костра... – охотно заговорили мальчишки.

– Спасибо за информацию. Будем искать...

– А что случилось, Витя? – осторожно спросила девочка.

– Да ничего не случилось. Надо решить одну научную проблему, – солидно разъяснил Витя.

– А то, может, он у кого-то стул увел без спросу? – высказал догадку мальчишка, чьи веснушки бликовали от пламени, как медная чешуя.

– Балда, – осудила его девочка. – Не стыдно молотить чепуху?

Ребята захихикали. Самый маленький (большеглазый, стриженный под машинку), вдруг вытянул шею и спросил шепотом заговорщика:

– Витя, а правда, что утром двое подрались у водокачки?

– Ну... было дело...

– А из-за чего?

– Я откуда знаю!

– Ты же все знаешь, – чуть игриво заметила девочка.

– Может, и знаю. Но *не разглашаю* ... – Валерий почувствовал, что под шутливым тоном подпоручик Петряев прячет нежелание говорить о неприятном. Впрочем, Витя добавил: – Если охота, спрашивайте у командирши Лопушинской. Это ее кадры...

– Ни фиги себе! – почему-то изумился веснушчатый мальчишка.

Витя слегка дурашливо козырнул ребятам, а Валерию шепнул:

– Сваливаем. А то слишком любопытные...

Когда отошли, Валерий спросил:

– А что за драка?

– Ну, два пацана. Пospорили о чем-то. Один не сдержался и другому по носу. А тот в ответ – по скуле. Под глазом – фингал. Sensация! Даже местное Тэ Вэ заволновалось: будем делать сюжет для новостей! Хорошо, что мэр узнал, запретил...

«Бред какой-то! Фингал – сенсация...» – запрыгало в голове у Валерия. Но спросил он о другом:

– Разве мэр имеет право запретить передачу?

– Ну... он не то что запретил, а сказал: «Вы что, люди, спятили?»

– Чуден ты, город Инск...

– А ты думал... – согласился Витя.

Они шли от костра, к костру. У огня сидели разные люди. Взрослые, подростки и совсем небольшие ребятки. Кто-то пел под гитару, кто-то вел разговоры, кто-то сдвигал головы над экранами компьютерных «плашек». В руках мужичков поблескивали жестяные банки (едва ли с кока-колой). Видимо, здесь такое не возбранялось.

А Лыша нигде не было.

Зато у одного из костров прослушал Валерий целую лекцию.

У огня сгрудился десяток ребят и девушек – по виду старшеклассники или первокурсники. Среди них был один взрослый: не старый, но лысый дядя с оттопыренными (как у Лыша) ушами. Он вещал:

– ...Отрицать роль Высшей идеи в деле строительства мироздания, конечно, можно, Однако отрицание никогда не несло в себе позитивного начала... Ладно, допустим, Кристалл вселенной возник сам по себе, из ничего. Или другой вариант: он существовал всегда... хотя категорию «всегда» нельзя не считать излишне размытой. Но скажите по совести, кто, кроме Создателя, мог замкнуть Кристалл в кольцо? Да еще так, чтобы дать ему возможность при определенных условиях совмещать свои неисчислимые грани? Только это совмещение позволяет темпоральным потокам бесчисленных миров сливаться в единое всеобщее Время. А сами эти потоки возникли только тогда, когда возникло Кольцо Кристалла. Ибо Время рождается там, где появляется напряжение. В данном всеобщем варианте – напряжение всего Кристалла, возникшее от кольцевого изгиба его структуры. Есть напряжение – рождается временной поток, а он в свою очередь порождает энергию. Во всех ее бесконечных проявлениях...

– Если принять за основу корпускулярную теорию Времени, то можно предположить, что энергия тоже имеет корпускулярную структуру? – прозвенел смелый девичий голосок.

– Не будем углубляться в дебри. Тем более, что и корпускулярная теория Времени сама по себе не бесспорна. Беда в том, что некоторые трактуют ее весьма упрощенно. Мол, время состоит из темпоральных корпускул, как материя из атомов. А сами корпускулы опять же

включают в себя множество элементарных частиц темпоральной природы, влияние на которые может кардинальным образом менять структуру самого временного потока. Имейте в виду, не скорость, не направление, не энергетическую насыщенность, а именно природу...

– Этого еще не хватало... – басовито заметил кудлатый юноша.

– К счастью, это пока что лишь туманные гипотезы, – успокоил юношу лектор.

– А локальные темпоральные кольца возникают тоже в результате каких-то напряжений? – качнулся вперед остроносый слушатель, почти мальчик.

– Естественно, коллега! От самого незаметного колечка внутри экспериментального генератора до гигантских галактик!

– Но ведь галактики не кольца, а спирали! – заспорила звонкоголосая девушка.

Лысый лектор будто даже обрадовался:

– А спирали разве не кольца? Тоже кольца, только более высшего порядка. Двигаясь по спирали, вы достигаете той точки, с которой начали путь, но находите ее уже на иной точке развития. Следовательно, можно считать, что спиральные образования тоже смыкаются!

– А Дорога? – раздался негромкий голос. – Она опоясывает Кристалл вселенной по спирали, но разве ее концы смыкаются?

Лектор потер уши, помолчал.

– Мы, господа, заходим слишком далеко. Природа Дороги... если даже принять за факт само ее существование... пока остается непостижимой. Видимо, это тема для науки, которой еще просто нет...

– Или для Костика Лопушинского, – сказал девичий голосок.

– Для кого? – не понял лектор.

– Для Лыша, – сразу объяснили ему два голоса.

– А-а... – усмехнулся лектор. – Этот так... А если всерьез, то касаться упомянутой темы на нашем уровне, я бы сказал... некорректно. Да... Иначе это может вылиться в псевдонаучные дискуссии, в болтовню, вроде нынешних безответственных слухов про так называемую ближнюю *Колею*...

Кто-то негромко захихикал.

– Не вижу повода для смеха... – сдержанно обиделся лектор.

– Да нет, это Машка Олега щечочет, – разъяснил басовитый юноша.

– Дети... – вздохнул лектор.

Во время разговора Валерий и Витя стояли неподалеку. А теперь отошли.

– Странный университет под открытым небом... – сказал Валерий.

– Это профессор Волоков. Он часто так просвещает юный народ. Вместо привычных лекций в помещении...

– Мне показалось... как-то излишне популярно просвещает. На уровне школьного кружка...

– Но это же пединститут, подготовительная группа. И к тому, же не физики и математики, а филологи... Зато все почти понятно. А вот у нас в университете доктор Яснопольский есть, он как начнет об альтернативных теориях пространственно-временного континуума... У мировых светил на портретах уши в трубочку...

Валерий не сдержал удивления:

– Разве здесь есть университет?

– Я про столичный. Там я на философском, на заочном, третий курс...

– Философия – мать наук. Сударь, я снимаю перед вами шляпу.

– Надень обратно, темечко простудишь, – отозвался подпоручик с печалью. Видимо, вспомнил тяготы учебы.

– А этого обормота, Костика Лопушинского, нигде нет, – сказал Валерий.

– Вон еще костерок. Последний шанс.

Маленький костер горел у самого откоса, рядом с репейной чашей. Вокруг стояли две девочки и трое мальчишек... И Лыш среди них!

Витя окликнул с пяти шагов:

– Лыш! Иди-ка сюда!

На подошедших заглядывались, кто-то сказал «Витя, привет», а Лыш (чуть запинаясь) подошел быстро и безбоязненно. Глянул с ожиданием:

– Чего?

– Дело есть, – сказал Витя. – Вот у него... – Кивнул на Валерия и отошел.

– Ты меня помнишь? – спросил Валерий.

Лыш не удивился:

– Конечно. Ты Валерий. Днем виделись на дворе... – (Небо еще было светлым, узнать собеседника не трудно.)

– Ну да... А когда прощались, ты сказал слова... «Аакса танка, тона...»

Кажется, Лыш насупился:

– Ну, сказал... А чего? Это же не обидные слова...

– Да конечно, не обидные! А как они переводятся, знаешь?

– Вроде бы, знаю. Примерно... Будто как «всего хорошего тебе»... А что?

– Да удивительно же! А на каком это языке?

– Понятия не имею, – холодно сказал этот непонятный Лыш. – Просто... иногда прыгает в голове. – Он явно говорил не всё.

– Ну, что же. Не хочешь – не рассказывай... А ты слышал, что я ответил?

– Не-а... Я не разобрал.

– Я сказал «Итиа...»

Лыш наморщил переносицу, мигнул.

– Это ... вроде как «Пусть не будет жары, да?»

– Да... Я не думал, что кто-то на Земле знает этот язык.

Лыш не удивился опять. Опустил голову, пошевелил сандалией песок. Снова поднял лицо.

– А ты... где слышал этот язык?... Если не на Земле?

– Во сне, – честно сказал Валерий.

Лыш вновь стал смотреть вниз. Проговорил шепотом:

– И я... только это не простые сны. Ты не думай, будто я не хочу сказать. Но их... трудно объяснить...

– Красные пески, да?

– Да... – Лыш вдруг шагнул вплотную, встал не напротив, а рядом. Плечом коснулся локтя Валерия. – По ним идешь, идешь...

– К башне?

– К пирамиде, – выдохнул Лыш. – Только она далеко... А сперва еще надо найти шар. Роешь, роешь песок... Ты видишь *такое же*? – Он смотрел снизу и сбоку, и в глазах дрожали огоньки заката.

– Да, похоже...

– Похоже... – Лыш медленно кивнул.

В нем не было заметно ни опасения, ни большого удивления. Скорее, этакая озабоченность: вот, мол, появилась задачка, с решением которой придется повозиться.

– Лыш, нам бы поговорить как следует, подробно... – осторожно предложил Валерий.

Тот оживился:

– Да, конечно!.. Только сейчас я не могу, надо уже домой... – кажется, он по правде был огорчен, что нет времени. – Давай днем!

– А как тебя найти?

– У тебя есть мобильник?

– Да... И у тебя?

– Куда теперь без него... – деловито отозвался Лыш. – Только я его все время теряю... – Он захлопал по расстегнутой джинсовой безрукавке (легкий алюминиевый крестик запрыгал на тощенькой груди). Потом зашарил в карманах растрепанных шортиков. Вытащил, наконец, похожую на мыльницу коробочку.

Они продиктовали друг другу номера. «Как хорошо, что Витя снял блокиратор», – вспомнил Валерий. А Витя все топтался поодаль, поглядывал по сторонам.

– У нас всё, – известил его Валерий, А Лышу сказал, не удержался: – Ития...

Тот понимающе помахал ему мобильником – уже с нескольких шагов.

Витя подошел.

– Мы решали одну лингвистическую проблему, – объяснил Валерий.

– Ясно, – сказал Витя, которому, конечно, ничего не было ясно. – Решили?

– Не совсем. Продолжим после, юноша торопится домой... Мне, кстати, тоже пора. Мысли о простокваше бабы Клавы все назойливее.

– Тебя проводить? Или найдешь теперь дорогу? Можно автобусом...

– Пройдусь пешком. Ночной Инск мне еще неведом. И потому любопытен...

– Удачи... Свой телефон я тебе вписал, так что ежели что...

Валерий по-американски (как матросу Вове) отдал подпоручику Петряеву честь. Витя с дурашливой старательностью откозырял в ответ...

А у костра, куда вернулся Лыш, продолжался свой разговор.

– То тебя дома до полночи нет, а то «скорее надо», – выговаривала брату девочка в желтой рубашке с погончиками и шевронами. – Подожди немного, пойдем вместе...

– У меня в сарае работа не кончена, – озабоченно разъяснил ей Лыш. – Поэтому, кто пойдет, а кто поскачет...

Лыш отошел и выволок из репейников легонький венский стул.

– Опять! – вознегодовала сестра. – Шею свернешь, акробат!.. Лыш, я маме скажу!

– Жалоба моченая, на углях копченая...

Все слушали спокойно. Знали, что Лыш обозвал сестру «жалобой» так, для порядка, и ничего она не скажет маме. А он, конечно, не свернет шею.

Лыш оседлал стул задом наперед, растопырил ноги, слегка толкнул перед собой спинку. Стул ударил ножкой в песок, будто нетерпеливый жеребенок. Подпрыгнул и взмыл над репейной чашей. Понес всадника над склоном вверх.

– Вот это да... – выдохнул один из оставшихся мальчишек.

Девочка (не сестра Лыша, а другая – круглолицая, светлоголовая) осторожно сказала ему:

– Видишь, ты уже столько тайн знаешь про нас... Расскажи и про себя.

– Но я ведь рассказывал...

Другой мальчик мягко проговорил:

– Ты не обижайся, но ты говорил не все. Расскажи нам про *главное* ...

Вторая часть Ампула

Глава 1

Пока я подрастал, меня называли по-разному. То есть в документах стояло, конечно одно и то же имя, а остальные можно считать кличками. Но они оказывались такими надолго прилипчивыми, что были как настоящие имена. Первое из них – Дуня. Сокращенное от прозвища «Одуванчик». Но это еще в самой младшей группе дошкольного детдома. Потом, года волосы перестали пушисто щетиниться и сделались гладкими, появилось другое прозвище – Седой. Оно продержалось до перевода в школьный сиротский интернат. К тому времени волосы, хотя и оставались очень светлыми, но стали уже не чисто белыми, а как бы присыпанными истертой в пыль золой...

Сперва некоторые пацаны в школьном интернате окликали меня: «Эй, Косой!» Потому что среди таких, как я, – белобрысых и с голубыми глазами – нередко встречаются ребята с косоватостью во взгляде. Но у меня косоватости не было, и кличка не приклеилась. Стали меня звать сокращенно от фамилии – Клим.

А в компании Моргана обращались ко мне почти по-нормальному: Гриня. Потому что Морган сам так стал меня называть: «Гриня, смотаешься на рынок, добудешь там у черных дураков груш или яблочек...» Или: «Гриня, ты у нас нынче дневальный, гляди, мой хороший, чтоб порядочек...» Ласково так. Но все знали, *что* за этой ласковостью...

А в спецшколе я снова стал Климом. Но вскоре один остряк сказал: "«Клим Ворошилов»». Конечно, все стали спрашивать: почему и кто такой? «А это был давным-давно в Красной армии маршал. Говорят, стрелял без промаха. Даже звание такое потом для самых метких придумали: „Ворошиловский стрелок“. Да вы чё, кино не смотрели, что ли?..»

Ну и получил я новую кличку – Стрелок...

Было у меня еще одно имя, но его никто из ребят не знал. Я крепко держал его про себя. Потому что оно было для меня дорогое из всех сил. Это имя стало мне известно из письма, которое... Хотя нет, про письмо потом...

А в спецшколе, значит, – Стрелок. Не насмешливое прозвище, а даже с почтением. Потому что все помнили историю про мою стрельбу, когда ментухаи окружили меня с Пузырьком и Тюнчиком на Волохинском разъезде...

...И Мерцалов звал меня так же – Стрелок, хотя ему-то полагалось звать воспитанников по фамилии. Он был один из воспитателей. Не руководитель группы, а помощник начальника по какой-то там линии. Мы с ним редко сталкивались, я даже не думал, что он меня помнит. Но три дня назад, когда был урок математики, Мерцалов заглянул в класс и окликнул меня так по-свойски:

– Стрелок, пойдем-ка со мной голубчик, тетя доктор зовет...

Я подумал: опять на допрос. Начнут десятый раз пытаться про одно и то же. А я ведь давно уже рассказал все, что знал, вывернул себя наизнанку! Чего еще надо-то?

Но оказалось, надо не это. «Тетя доктор» (а точнее, фельдшерица Зинаида Матвеевна) приготовила шприц и велела мне спустить штаны. Я спросил:

– А что это за раствор?

– Потом узнаешь, – улыбнулся Мерцалов (он был рыхлый и вроде бы добродушный, но с тонкими, как у коварной киношной красавицы, губами).

Спорить было бесполезно. Я сказал:

– Давайте, я сам воткну, я умею...

Дело в том, что год назад у меня нашли какую-то болезнь (с непонятным названием: то ли «дебют», то ли «дубликат»). Мне пришлось таскать с собой шприц и ампулы и несколько раз в день самому себе делать уколы, иначе мог помереть. Так мне сказали. Потом выяснилось, что диагноз был ошибочный и втыкал иголки с лекарствами я в себя зря. Директор интерната с треском уволил врачей, а опытные парни из старшеклассников меня утешали: "Не горюй, кент, опыт пригодится, если вздумаешь «сесть на иглу». Я знал, что садиться на иглу в жизни не буду (не самоубийца же!), поэтому только плевал а ответ. А те ржали...

Но сейчас Мерцалов сказал:

– Не суй лапы, Стрелок. Зинаида Матвеевна профессионал...

Ну, эта «профессионал» и всадила мне так, что я взвыл. Мерцалов захихикал. А когда я застегнул лямки комбинезона, он за плечо вывел меня в коридор, оглянулся и полупшепотом, объяснил:

– Теперь слушай сюда, мальчик. Ты у меня на поводке. Покрепче якорной цепи. Это снадобье – спецсредство. Ровно через тридцать суток у тебя вот тут – (он твердым пальцем ткнул мне рядом с лямкой, под левую ключицу) – появится розовый бугорок. Будет чесаться и немножко болеть. Пару часов. А потом бугорочек этот превратится в красное пятно, вроде амёбы. И если в это время не сделать второй укол данного препарата, мальчик тихо отойдет в царство небесное. И никто не поймет, в чем причина... Врубился, Стрелок?

Я сказал со слезинкой:

– Чё вам еще от меня надо-то? Я же всё рассказал, до самой мелочи! Всё, что помню!

– А надо и то, что не помнишь. Есть такая штука: *подсознание*. В нем иногда прячется информация, про которую человек и сам не ведает. Здесь эту информацию у тебя выскрести не сумели, поэтому поедом в клинику особого института, в Горнозабойск... Да не бойсь, там больно не делают, просветят мозги, вот и все. И кормят до полного пуза, потому как будешь не воспитанник, а *пациент*...

– Все равно не в коня корм, зря только потратятся, – искренне сказал я.

– А тебе-то что? Прокатишься, на белый свет помотришь из поезда, вкусно покушаешь... А чтобы не слинял по дороге, в тебе вот эта самая, выражаясь по-научному, инъекция. Будешь помнить, что отправишься на встречу с родителями (ну, не обижайся), если в нужный момент я не окажусь рядом. А я окажусь, если будешь вести себя хорошо. И тогда – вот это... – Он вытянул из внутреннего кармана пиджака коробочку, похожую на футляр маленькой авторучки. Открыл. Там лежал упакованный в целлофан шприц с колпачком на игле, а рядом тонкая прозрачная ампула с длинным концом. – Собственноручно воткну тебе куда следует. Или даже доверю самому... И живи тогда до ста лет. Глядишь, принесешь пользу Империи... Усёк...

Я посопел и кивнул. А что делать? В этой «конторе» спорить не полагалось, иначе пожалеешь сто раз.

– И поймей в виду, Стрелок мой ненаглядный. Названия данной жидкости ты не знаешь, поэтому и найти другую дозу нигде не сможешь. Да если бы и знал... Штука эта столь редкая, что в готовом виде пока существовала лишь в двух экземплярах. Одна порция теперь у тебя сам знаешь в каком месте. А другая – у меня. – Мерцалов спрятал футлярчик за пазуху. – Уяснил ситуацию?

Я опять кивнул.

– Ты не болтай головой, а отвечай согласно уставу.

Я опустил руки вдоль мятых комбинезонных штанин, глянул Мерцалову в лоб и ответил согласно уставу:

– Так точно, понял, господин воспитатель.

Он опять подобрел:

– Не надо «господина воспитателя», можешь обращаться «Ефрем Зотович». Мы с тобой теперь одной ниточкой связаны. Ты от меня никуда, и я тебя блюсти должен без отрыва. Так что будем проявлять взаимное понимание. Уговор?

Я сдвинул пятки казенных ботинок.

– Так точно, гос... Ефрем Зотович.

– Вот и ладненько. Выезжаем завтра утром. Возьми на складе чемоданчик и собери имущество: смена белья, чистая рубашка, полотенце, паста-щетка... Что еще? Второго пистолета у тебя, надеюсь, нету? Хе-хе...

– Нету, Ефрем Зотович, – ответил я уже не по уставу. И подумал: «Твое счастье, что нету. А то завтра искал бы ты меня вместе с ампулой...»

Рано утром школьный фургон отвез нас в столицу, на маленький вокзал, который назывался «Елисеевский» (я и не знал, что есть такой). Сели в поезд на загороженной товарняками платформе. Поезд оказался странный. Прямо винегрет какой-то. За блестящим вагоном-рестораном была почему-то прицеплена теплушка (будто из военного фильма), за ней синий пассажирский вагон с надписью «Абакан», а следом красный с надписью «Торпеда». А за «Торпедой» стоял вагончик будто из музея или из кино про ковбоев, индейцев и американских грабителей. Но самое удивительное было еще дальше: мы подошли к вагону, каких я не видел ни в кино ни на самом деле. Похоже, что какой-то регентский салон на колесах. Одна половина его была сплошь застекленная, даже крыша. А во второй – четыре двухместных купе. Это я разглядел, когда мы оказались внутри. Да, именно в этот вагон подтолкнул меня Мерцалов, когда проходили у подножки:

– Грузись, Стрелок...

Я послушался, а в тамбуре оглянулся и увидел, как Мерцалов показывает усатому проводнику бумаги. Проводник часто кивал, а потом по-военному козырнул. Ну, дела-а...

Купе было просторным, с двумя кожаными диванами и зеркалами. Мерцалов откинулся на диване и добродушно объяснил мне, что поезд этот «спецрейсовый», а наш вагон – опытный образец.

– Проектировали для туристов с тугими кошельками, да в производство так и не приняли... А нам видишь какой почет! Выделили суперкупе, потому как я сопровождаю персону, весьма интересную для некоторых учреждений... Кстати, персону, имей в виду: ампула не у меня, а в сейфе проводника. Так что не предпринимай попыток...

Я буркнул, что ни о каких попытках и не думал (врал, конечно)...

Мы поехали. Скоро пришел проводник (другой, не усатый), спросил надо ли стелить постель. Мерцалов сказал, что после, а сейчас, мол, пусть принесет побольше бутербродов, шесть бутылок пива и чай (вот этому господину, который до пива еще не дорос).

Пиво он глотал прямо из горлышка... Я выпил чай, сжевал несколько бутербродов с колбасой и стал смотреть в окно. Поезд шел по пригородным путям, среди всяких эстакад, водокачек, закопченных зданий и замерших на рельсах цистерн. Неинтересно. Я спросил, можно ли пойти в застекленную часть вагона. Там сквозь прозрачную крышу наверняка видны облака – смотри на них сколько угодно. Мерцалов рыгнул и разрешил. Знал, что никуда я не денусь. И сам я это знал. В самом деле – поводок покрепче якорной цепи...

В прозрачном помещении стояли несколько мягких откидных кресел. Сиди и бездельничай. Ну, я и сел...

Стеклянная крыша была чистая, словно только что промытая. Над ней бежали назад электропровода, мелькали кронштейны столбов. А облака почти не двигались – так, по крайней мере, казалось. Они были громадные, желто-белые. Такие пушистые груды. А небо между ними – очень синее.

Мне нравилось глядеть на облака, потому что они были *свободные*. Никто не мог им ничего приказать. И ничего не мог с ними сделать. Ни ментухайские генералы, ни начальник спецшколы, ни сам Регент. И я хоть капельку, хоть чуть-чуть и на малое время, но все же впитывал в себя частички этой их свободы. И старался не думать больше ни о чем. Только про облака...

Но все же иногда я поглядывал по сторонам. И увидел, что пригороды наконец остались позади. По сторонам раскидывались зеленеющие равнины с деревнями, колоколенками, речками, перелесками. Поезд почти все время шел по насыпям, на высоте, и можно было представить, что ты в самолете (по правде-то я никогда не летал). Иногда под колесами гремели мосты, мелькали за стеклами железные конструкции...

Раза два появлялся Мерцалов: проверить, на месте ли я (будто я мог сбежать!). Кивал и говорил:

– Любуешься? Правильно. Впитывай красоты просторов родной Империи, это облагораживает душу...

Хотелось послать его подальше, но ведь заперт в купе, гад такой, и задернет шторы, да еще надаст по морде...

Потом он позвал меня обедать. Надо же, как быстро пролетели полдня!

Обед был такой, какого я сроду не пробовал. Вкуснятина! Суп назывался «солянка сборная» (как наш поезд, хихикнул я) и пахнул всякими заморскими травами и приправами. А больше всего мне понравилось похожее на стружки мясо с мелким жареным картофелем («бефстроганов»). Обьединье...

– Добавки хочешь? – спросил размякший от пива Мерцалов. Я не стал изображать гордого, и он заказал еще порцию...

От сытости я осоловел и спросил: нельзя ли прилечь? (В школе спать днем не разрешалось: нарушение режима). Мерцалов опять проявил великодушие...

Я проспал почти до вечера. Когда открыл глаза, солнце было уже вечернее, желтое. Мерцалов спал носом к спинке дивана. Я осторожно натянул ботинки. Он сразу проснулся:

– Ты куда?

Я сказал, что в туалет.

– А потом туда, где был днем, в кресло. Если вы позволите...

Он позволил:

– Валяй... – Наверно, ему не очень-то интересно было торчать тут со мной с глазу на глаз.

И я опять поехал под облаками. Теперь они были разноцветные: больше всего золотисто-оранжевых (а те, что в тени – с лиловой дымкой). Стояли последние дни мая, солнце садилось поздно, в десятом часу. Я посмотрел, как оно – большущее, помидорно-красное – сваливается за потемневшие леса. Свалилось, но долго еще горел над горизонтом широкий закат. Потом у верхнего края заката я увидел дрожащую звезду. Подумал: «Наверно, Венера...»

Я оглядел сквозь широкие дребезжащие стекла потемневшую землю. И заметил, что на севере, низко над горизонтом, появилась большущая бледная луна. Она казалась полупрозрачной и плыла за поездом, как мыльный пузырь. Мне хотелось посмотреть, как луна станет набирать яркость. Но появился Мерцалов и рыкнул:

– Спать пора...

– Ефрем Зотович, а можно мне здесь поспать? Кресло же откидное, будто койка...

Конечно, он сказал:

– Порассуждай еще! Сейчас я тебе сделаю «откидное»...

Диваны в купе были уже застелены. Я сел, расшнуровал и со стуком сбросил ботинки. Мерцалов скривился:

– Носки заверни в газету и спрячь подальше, они у тебя воняют.

Он врал, носки у меня были чистые, это от его растоптанных шлепанцев несло кислятиной. Но разве поспоришь... Я убрал газетный сверток в чемоданчик, вынул запасные носки – назавтра. Потом разделся, сказал «спокойной ночи, Ефрем Зотович, спокойной ночи, Империя» (так полагалось по уставу) и улегся под хрустящее свежим пододеяльником покрывало. Носом к диванной спинке. Стал представлять, как наливается желтым светом и поднимается в зеленеющее небо круглая луна. Она была очень близкая – отодвинь стекло, высунь руку, и сможешь дотянуться...

Проснулся я среди ночи. Пахло шлепанцами Мерцалова и пивом из его нутра. Сам он покряхтывал, посапывал. Вагон трясло на рельсовых стыках. Мне очень было надо в туалет. Я сунул в ботинки босые ноги и, не одеваясь, выскользнул в коридор. Сходил, двинулся обратно. Застекленная часть вагона была наполнена лунным излучением, как аквариум искрящейся водой. И я прошел мимо купе – до своего привычного кресла. Сбросил ботинки, забрался с ногами. Посижу чуть-чуть, Мерцалов ничего не узнает...

Луна была теперь не такая большая, как вечером, зато сияла, будто прожектор. Высвечивала в небе облачные выпуклости и провалы, а на земле – закоулки проплывающих деревень и русла бликующих речек. Я стал думать, что эти водяные блики – не на мелких речках, а на поверхности залива у города Лисса.словно поезд огибает бухту, где расположена гавань и чернеют на фоне воды и неба мачты с огоньками... А может, лоцмана Битт-Боя врачи все же спасут от смертельной болезни?..

... – Вот ты где окопался, кретин! Кто тебе разрешил?!

За стеклами сияло утро. Мерцалов нависал надо мной. Я только сейчас заметил, что лицо его в мелких рябинках, а цвет кожи – как у оберточной бумаги. Цвет глаз такой же...

Я вскочил.

– Господин воспитатель, я в туалет... а потом... я сам не знаю как... Подумал: гляну только на луну...

– П-поэтическая натура, – выдохнул Мерцалов и рыгнул.

– Может, у меня лунатизм? – жалобно сказал я, надеясь превратить дело в шутку.

– А ну, пошли. Сейчас я вылечу тебя от лунатизма...

Я побрел за ним. Было похоже, что получу пару оплеух. Но Мерцалов отыскал среди брякающих на столике бутылок одну, не совсем пустую, вылакал остатки и подобрел.

– Думаешь, мне жалко, что ты среди ночи пилился на луну? Да черт с тобой... Но ты нарушил запрет. А нарушение запретов... ик... расшатывает социальную систему. А система есть основа всего... Вот, возьми нашу Империю. Даже императора нет, но есть Регент, и он осуществляет исполнение законов. Хорошие или плохие они – это даже не вопрос. Главное, что они должны *исполняться*. Нарушишь хоть один в малости – и забуксует вся имперская машина... Понял ты, лунатик?

– Так точно, гос... Ефрем Зотович... – Я на всякий случай встал навтыжку.

– Ни хрена ты не понял... А мне про это еще папаша объяснял, штабс-майор Зот Михайлович Мерцалов... Однажды взял он меня, пацана, рыбачить на речку Запнянку, что у нашей дачи. И повезло мне тогда несказанно, вытащил я во-от такого леща. Отец кричит: «За жабры его!», а я упал на рыбину пузом. Лещ, он не дурак, выскользнул, подпрыгнул и плюх в воду... Я в рёв! А папаша свинтил верхний конец удилища и тут же, у воды, выдрал меня им в полную силу. Говорит: не потому, что добычу жалко, а потому, что ты, мерзавец, не поступил, как велено. Впредь будешь уважать инструкции...

Я слушал и вспоминал Моргана. И думал, что все имеющие силу сволочи похожи чем-то друг на друга...

– Ладно, завтракать пора, – вдруг оборвал воспоминания Мерцалов. Нажал кнопку у изголовья и заказал тут же возникшему усатому проводнику сосиски и кофе (себе черный, мне с молоком).

Когда позавтракали, он велел мне сгрести со стола пустые бутылки и унести в тамбур – там был мусорный контейнер. А то, мол, дребезжат, на нервы действуют.

– И можешь потом торчать в своем кресле, раз такой любитель пейзажей, мне на тебя любоваться мало радости...

– Спасибо, Ефрем Зотович!

(Вот ведь гадство! Как я за три месяца спецшколы стал таким вышколенным воспитанником! Почти подхалимом...)

Глава 2

На этот раз я не стал садиться в кресло, подошел к стеклянной стенке, прилип носом к прозрачной плоскости. Впереди открывался город. Белели на солнце колокольни, темнел высокий (видимо, над рекой) обрыв, торчали кое-где трубы и водонапорные башни... А рядом со мной, за стеклами, проплывал назад крутой склон.

Поезд шел неторопливо, я успевал все разглядеть как следует. Склон зарос березками, крохотными елочками и хвойным кустарником (наверно, можжевельником, но я точно не знал, не разбирался). А местами зацветал розовый шиповник. Из кустов торчали мшистые валуны и обломки скал. По ним прыгали серые пичуги... И во всем этом было такое хорошее лето, что я забыл про свое горести. Мне показалось, что я превратился в легкий туман, и ветки цепляют меня, теребят на клочки, и эти клочки застревают в кустах, тают среди листьев. И это было не больно, не страшно, а радостно... Смешно, да? Но по правде так показалось. А что? Мне иногда и не такие еще фантазии лезли в голову...

Потом я увидел тропинку. Она виляла среди кустов и камней, а по ней бежали вприпрыжку ребята. С десятков мальчишек и девчонок, по возрасту все меньше меня – наверно, из младших классов. Веселые такие, разноцветные, с разлетающимися волосами. Они ловко прыгали с камня на камень, с уступа на уступ или напролом пробивались сквозь хвойную чащу, не боясь исцарапать голые ноги и руки. Наверно, они бежали в школу, потому что у каждого за плечами прыгал ученический рюкзачок. Правда, были они не в форме, ну да ведь последние дни перед каникулами и тепло такое. К тому же, здесь не столица: может, школьную форму в этом городе вообще не требуют...

Вагон постепенно обгонял ребят. Они увидели меня за стеклами, на бегу замахали руками – смеющиеся, прыгучие. И я... нет, я не посмел замахать как следует в ответ (вдруг выглянет из купе Мерцалов, заухмыляется), но все же поднял над плечом ладонь...

Господи, есть же на свете счастливые люди! Как мне хотелось быть таким же! Приходить после школы в свой нормальный дом, и пусть мне попадает за двойки в дневнике, пусть на меня ворчат: «Опять завалился на диван с книжкой, даже кроссовки не снял! А кто за хлебом пойдет?..» Пусть даже подзатыльники иногда перепадают. Если они от мамы – это ведь тоже счастье... Но я про такую жизнь только в кино видел или слышал изредка от ребят, кто попадал под интернатскую крышу не с малолетства, а уже когда все помнится...

Ребята отставали, но все еще махали руками. Впереди всех прыгали смуглые мальчик и девочка в одинаковых зеленых футболках. Подумалось, что брат и сестра. И я смотрел, смотрел, пока они совсем не скрылись за густой листвой. Потом проглотил комок... Нет, я вовсе не завидовал этим ребяташкам. Наоборот, я радовался, что им хорошо. Если уж не мне, то пусть хотя бы другим... И комок был не горький, а такой, когда читаешь про что-то берущее за душу, в хорошей книжке...

Меня тряхнуло от резкого голоса в радиодинамике:

– Господа пассажиры! Поезд прибывает на станцию Ново-Заторск. В связи с особым графиком спецсостава, следующего вне расписания, и частичным демонтажом путей возможна внеплановая стоянка протяженностью около двух часов. Просим быть внимательными к дальнейшей информации.

За стеклами потянулись станционные строения...

Мерцалов сходил к проводнику. Я догадался, что он взял ампулу. Видимо, опасался непредвиденных обстоятельств. И правильно опасался...

Мы вышли на перрон. Поезд стоял на первом пути, я увидел серое двухэтажное здание с полукруглыми окнами и черными буквами под крышей: НОВО-ЗАТОРСК. Было много народа, ощущалось непонятное беспокойство. Там и тут краснели ментухайские околыши.

– Новозаторск какой-то заср... – выразился Мерцалов. – Его даже в расписании нет.

Рядом оказался юркий дяденька в соломенной кепочке, он охотно разъяснил:

– Потому как путаница в диспетчерской службе. Для сокращения пути вывели состав на Инскую колею, а у них свои планы-законы. Вот и будем куковать...

Я не понял, что за «Инская колея». И в общем-то мне было все равно. Главное, что новые места, путешествие, а не обрыдлая спецшкала...

Опять закричал динамик:

– Уважаемые господа пассажиры. По техническим причинам наш состав будет вынужден двигаться окружными путями. Пассажирам, следующим до Горнозабойска, служба Северо-Заторской железной дороги рекомендует продолжить путь не в поезде, а на пассажирском теплоходе, который прибудет в Горнозабойск сегодня вечером. Вы сможете сэкономить время и вместе с этим совершить приятное водное путешествие, полюбоваться речными пейзажами. Расходы Управление нашей дороги берет на себя. Предъявив на теплоходе железнодорожный билет, вы получите там бесплатное место. Пассажирский причал расположен в трех кварталах от перрона, в конце улицы Магистральной, за Пристанским рынком...

Мерцалов нехорошо выразился в адрес Управления дороги, пассажирского причала и всего белого света.

– Пошли, Стрелок, за чемоданами...

Мы забрали в купе наш багаж. У меня-то – тьфу, никакого веса, а у Мерцалова был увесистый баул (я малость позлорадствовал). И пошли мы по улице Магистральной, среди унылых кирпичных домов. Она привела на площадь, где за длинными дощатыми столами небритые дядьки и объемистые тетушки торговали всякой снедью. Были здесь и банки с молоком, и всякие пирожки, и груды вареной, посыпанной мелкой зеленью картошки, и ранняя редиска, и даже помидоры (видать, с Юга привезли). И огурцы были (наверно, парниковые), и груды золотистого лука. Мало того, громоздились гроздьи бананов – будто где-нибудь в тропиках. И всюду – букеты сирени, лиловой и белой. От ее запаха у меня даже закружилась голова (а может, просто от мельканья и пестроты). На миг показалось, что я где-то на заморском южном базаре (может, в Лиссе или Гель-Гью?). И будто на прилавках полно арбузов. Приглядишься – это зеленые ведра под букетами, кучи перистого лука и салата, эмалированные кувшины. Отвернешься – опять чудятся арбузы. Тьфу, наваждение... Но когда мы пересекли весь рынок, случилось чудо. На крайнем прилавке я заметил настоящие, не «привидевшиеся» арбузы. Даже сбил шаги и заморгал. Откуда они в такую-то пору? Наверно, тоже из какой-то теплицы, как и помидоры... Мерцалов прикрикнул на меня: не тормози, мол.

Но оказалось, что и он разглядел арбузы. На пристани, у трапа, ведущего к борту теплохода (а по правде – довольно обшарпанного прогулочного катера «Речник-3») Мерцалов забрал у меня чемоданчик и сунул мне крупную коричневую «деньгу».

– Я сейчас буду оформлять места. А ты стоняй обратно, купи арбуз. Хочется, небось? Вот и мне. Выбирай, чтобы зрелый был...

Мне хотелось арбуза, но я сказал:

– Я не умею выбирать.

– Смотри, чтобы крупный был и с сухим хвостиком. Если красный внутри – получишь лишний кусок. Окажется бледный – выскоблю и надену на башку, будешь в такой каске ехать до места назначения. Понял, Стрелок?

– Понял, Ефрем Зотович!

– И не вздумай сдачу замылить... Жми!

Я нажал. Стуча ботинками по мосткам, домчался до прилавка, углядел там большущий арбуз со съезженным корешком, щелкнул по нему:

– Спелый?

Горбоносый дядька возвел глаза:

– О чем говоришь, мальчик! Самый спелый на свете! – Он три раза ткнул в полосатый бок похожим на гладиаторский меч ножом, выхватил из арбуза рубиновую пирамидку. – Смотри сам!.. Сдачу держи...

Я запихал в карман комбинезона кучу бумажек и мелочи, прижал арбузище к груди и, выгибаясь от тяжести, засеменил к пристани...

И... глянув поверх арбуза, увидел уж-жаснейшую картину. Катер уже отвалил и был метрах в двадцати от причала. Ефрем Зотович Мерцалов тянул к берегу руки, перегибался через поручень, который загораживал выход, и голосил. Его удерживали два парня в сизых (вроде как у меня) комбинезонах. Видать, от Мерцалова ощутимо разило пивом и парни решили, что подавший дядя потерял голову. Уговаривали. Я наконец понял, что он кричит:

– Ребенок у меня! Ребенок на пристани! Швартуйтесь назад, сволочи!

Но матросы никакого ребенка не видели, а капитан разворачиваться, конечно, не хотел. Наверно, и без того опаздывал. Пассажиры на борту веселились и подавали советы.

– Прыгай, дяденька! – кричал пацаненок в желтой панамке. – До берега близко!

Но было уже не близко. Да и не дали бы Ефрему Зотовичу прыгнуть. И, наверно, не хотел он: в пиджаке-то куча важных бумаг, а, может, и пловец он был никакой.

В первые полминуты мне было смешно. И опять я позлорадствовал. Но почти сразу очухался: у меня-то положение в десять раз хуже, чем у «господина воспитателя». Ампула-то не со мной, а с ним. И если я потеряюсь, через месяц – кранты Стрелку! (Если, конечно, Мерцалов не врал, насчет смертельности укола; но я почему-то был уверен, что не врал.)

Я вытянул шею над арбузом и заорал:

– Мне-то что делать?! Что?!

Мерцалов закричал в ответ, и я разобрал только: «...на вокзале! На вокзале!...»

Что «на вокзале»? Возвращаться на вокзал и ждать Мерцалова там? Или самому добираться в Горнозавойск, а Ефрем Зотович (чтоб его разорвало!) встретит меня на *том* вокзале? А как добираться? Я с перепугу перестал соображать. Не выпуская арбуза, кинулся вдоль берега – в ту сторону, куда уходил катер. А он, скотина, уходил быстро, будто глиссер какой-то (конечно, мне это чудилось).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.